
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

НАУКА ПОЭЗІИ

или

ПОСЛАНІЕ КЪ ПИЗОНАМЪ

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ

М. Дмитріева.

МОСКВА
1853.

Его Превосходительству,

Михаилу Петровичу

Погодину.

на память старой приязни

Мих. Дмитриевъ

2 Дек. 1853.

Москва.

НАУКА ПОЭЗІИ,

или

ПОСЛАНІЕ КЪ ПИЗОНАМЪ

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

НАУКА ПОЭЗІИ,

или

ПОСЛАНІЕ КЪ ПИЗОНАМЪ

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА.

ПЕРЕВОДЪ ВЪ СТИХАХЪ

М. Дмитріева.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОДЛИННИКА,
ВВЕДЕНІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ, СЛУЖАЩИМИ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ
ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Августа 21 дня, 1853 года.

Цензоръ Д. Ржевской.

Александру Дмитріевичу Курбатову

Посвящаю мой переводъ на память нашей тридцатисемилѣтней дружбы, со времени студенчества нашего въ Московскомъ Университетѣ.

Переводить въ наше время Горація — едвали современно; потому что Европейская литтература болѣе и болѣе удаляется отъ древнихъ. Вмѣсто ихъ изящной простоты, вмѣсто ихъ ясной и строгой мысли, она требуетъ нынѣ наружнаго блеска и сильныхъ потрясеній. Отчасти она и права; ибо что нравится любопытному отроку, или пылкому юношѣ, тѣмъ не прельстишь человѣка лѣтъ зрѣлыхъ, а особливо старика, котораго вкусъ тупѣетъ.

Но переводить Гораціеву Науку Поэзіи — *я чувствую, что это выходитъ изъ всякихъ предѣловъ современности. Съ одной стороны — теорія искуства сдѣлала у новѣйшихъ неимовѣрные успѣхи, такъ что Наука Горація (если смотрѣть на нее, какъ на теорію) состоитъ теперь изъ правилъ поверхностныхъ и частію отвергнутыхъ. Съ другой стороны — теперь въ литтературѣ, особенно въ поэзіи, не признается никакихъ правилъ. Всякой поэтъ увлекается неудержимо своимъ воображеніемъ; всякой стихотворецъ слѣдуетъ безотчетно первой своей мысли, не стѣсняясь никакими положительными формами, никакими основными началами искуства, и смотря съ пренебреженіемъ на все прежнее! — Тутъ не можетъ быть и слова ни о какой наукѣ!*

Для чего же я перевелъ Науку Поэзіи Горація? — Вопервыхъ я желалъ попробовать свои силы надъ переводомъ древняго поэта; во вторыхъ мнѣ нужно было упражненіе, которое бы меня занимало, требуя труда и нѣкотораго искуства, но не требуя большаго напряженія мысли; ибо мысль, какъ и воображеніе, не всегда готова явиться по первому призыву. — По до этаго нѣтъ нужды моимъ читателямъ, если они и найдутся. — Слѣдовательно вопросъ въ томъ: для чего я мой переводъ напечаталъ? — На этотъ вопросъ отвѣчать труднѣе! Онъ требуетъ большой осторожности въ отвѣтѣ, чтобы не обнаружить излишней самонадѣянности, которой впрочемъ у меня нѣтъ; и потому я могу говорить откровенно.

Если смотрѣть на Гораціеву Науку Поэзіи не такъ, какъ на теорію искуства, а какъ на совѣты опытнаго поэта; если принять въ соображеніе живость его мыслей, живопись сравненій, остроту шутокъ и умѣнье скрыть подъ цвѣтами поэзіи сухую теорію: то все это, думалъ я, можетъ и нынче доставить читателей Наукѣ Горація, если не повредило ей неискуство переводчика. — И потому мнѣ хотѣлось представить рускимъ читателямъ, которые не могутъ пользоваться подлинникомъ, переводъ, по возможности, или по моей возможности, ближайшій къ оригиналу. Мой переводъ, кажется, не удалился отъ него, сколько дозволяло это — различіе языковъ латинскаго и рускаго. Я знаю, что это не составляетъ еще достоинства перевода; но судить о немъ — это не мое дѣло.

Есть еще другая причина. Я перевелъ всѣ сатиры того же поэта. Достоинства и недостатки перевода тѣже, какіе и въ этомъ опытѣ, предлагаемомъ нынѣ. Правда, сатиры представляли мнѣ несравненно больше трудности; но я не щадилъ труда, чтобы вполнѣ уразумѣть ихъ и снабдить, какъ и этотъ опытъ,

объяснительными примѣчаніями. Но я не хочу приступить къ изданію моего перевода сатиръ Горація, по неизвѣстности успѣха. И потому печатаю Науку Поэзіи отчасти на пробу, чтобы увидѣть, будетъ ли мой переводъ имѣть читателей, и какимъ отзывомъ встрѣтитъ его здравая критика.

Введеніе, прилагаемое къ Наукѣ Поэзіи, извлечено мною большею частію изъ Габерфельда, продолжателя Нича, и изъ другихъ критиковъ, сколько допускало это — собственное мое убѣжденіе. Оно есть не что иное, какъ сводъ различныхъ мнѣній ученыхъ изслѣдователей, писавшихъ объ этомъ произведеніи Горація. И потому, если замѣчено будетъ, что въ немъ мало моего собственнаго, и что оно состоитъ большею частію изъ выписокъ, иногда и необозначенныхъ; то да не поставятъ мнѣ этаго въ вину наши рецензенты: я признаюсь заранѣе. Впрочемъ, какъ говорить о тѣхъ и другихъ мнѣніяхъ, не повторяя ихъ и не выписывая!

Примѣчанія, помѣщенныя въ концѣ моего перевода, показались мнѣ необходимыми для объясненія—именъ собственныхъ, названій, мѣстностей, намековъ, поговорокъ и нѣкоторыхъ выраженій подлинника, темныхъ для насъ, хотя и ясныхъ для современниковъ Горація, или наконецъ такихъ выраженій, которыхъ нельзя было передать литтерально. Одни изъ этихъ примѣчаній принадлежатъ мнѣ; другія я бралъ изъ Дасье, Санадона, Виланда, Габерфельда, Дюнтцера, Гольцапфеля, Дезобри, *и проч. Посредствомъ ихъ я могъ пользоваться объясненіями и другихъ нѣкоторыхъ комментаторовъ, признанныхъ классическими, но которыхъ у насъ достать невозможно.*

Что касается до моихъ примѣчаній, я боюсь, не слишкомъ ли они пространны, и нѣтъ ли въ нихъ иногда излишнихъ подроб-

ностей. Но такъ какъ я писалъ ихъ не для ученыхъ, не принадлежа и самъ къ ихъ классу; а для обыкновенныхъ читателей, которые пожелали бы понять Гораціеву Науку Поэзіи во всѣхъ подробностяхъ, безъ предварительнаго изученія: то вопервыхъ я хотѣлъ объяснить все, что почиталъ нужнымъ для большинства читателей, хотѣлъ лучше сказать лишнее, чѣмъ недосказать; вовторыхъ, представляя нѣкоторыя подробности о лицахъ, даже анекдоты, я хотѣлъ, чтобы чтеніе этихъ примѣчаній было не такъ сухо, какъ обыкновенно бываютъ примѣчанія, писанныя съ какою нибудь спеціальною, или ученою цѣлію. — О лицахъ болѣе извѣстныхъ я упоминалъ кратко.

Для знающихъ подлинникъ прилагаю здѣсь Ars poëtica и въ оригиналѣ, дабы они, имѣя его подъ руками, не встрѣтили затрудненія сличить съ нимъ мой переводъ, и тѣмъ самымъ или оправдать, или обвинить переводчика.

ВВЕДЕНІЕ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ОБОЗРѢНІЕ ГОРАЦІЕВОЙ НАУКИ ПОЭЗІИ И ИЗЛОЖЕНІЕ РАЗЛИЧНЫХЪ О НЕЙ МНѢНІЙ, УЧЕНЫХЪ И КОММЕНТАТОРОВЪ.

ОБОЗРѢНІЕ ГОРАЦІЕВОЙ НАУКИ ПОЭЗІИ.

1.

« Ни одно твореніе древности, говоритъ *Габерфельдъ*, не имѣло столь многихъ истолкователей и объяснителей, несогласныхъ между собою; покрайней мѣрѣ ни одно столь малаго объема, какъ это стихотвореніе Горація, издаваемое то подъ простымъ названіемъ: Epistola ad Pisones, то подъ многозначущимъ именемъ: Liber de Arte poëtica, обыкновенно же извѣстное подъ обоими. »

Но сколь ни различны мнѣнія о цѣли и планѣ этаго творенія, ихъ можно однако раздѣлить на три класса. Одни не находятъ въ немъ никакой связи, а только частныя, разбросанныя замѣчанія о поэзіи; другіе видятъ въ немъ строгій и вполнѣ систематическій, но искусно закрытый планъ, и полагаютъ, что оно содержитъ полную науку піитики; иные наконецъ, хотя и принимаютъ единство цѣли и плана, но въ смыслѣ свободномъ, достойномъ поэта, и сообразномъ частному назначенію стихотворенія.

2.

Первое мнѣніе есть самое древнѣйшее. Схоліасты *Акронъ* и *Порфиріонъ*, вѣроятно слѣдуя еще древнѣйшимъ грамматикамъ,

раздѣляютъ это стихотвореніе (принимаемое ими за рапсодію піитики) на разныя правила, не заботясь о взаимной зависимости и связи частей отдѣльныхъ. Имъ послѣдовали *Робортелли*, *Грифоли*, *Ламбинъ*, и многіе изъ французскихъ толкователей. *Ю. Ц. Скалигеръ* говоритъ даже: « Вы спрашиваете, что я думаю объ этомъ искуствѣ поэзіи? Именно, что это искуство написано безъ всякаго искуства!» — De arte queres, quid sentiam. Quid? Equidem, quod de arte sine arte tradita. Ему послѣдовалъ *Фоссій*.

Дасье, говоря, что Скалигеръ въ своемъ заключеніи отдалился отъ здраваго сужденія, излагаетъ такимъ образомъ свое мнѣніе: « Полагаютъ, говоритъ онъ, что Горацій желалъ дать Римлянамъ піитику, которая была бы нѣкотораго рода сокращеніемъ того, что писали объ этомъ предметѣ *Аристотель*, *Критонъ*, *Зенонъ*, *Демокритъ* и *Неоптолемъ-Паросскій*. Многіе даже принимаютъ его Науку Поэзіи за одну компиляцію лучшихъ правилъ сего послѣдняго; ибо по словамъ *Порфирія*: in quem librum conjecit praecepta Neoptolemi de arte poëtica, non quidem omnia, sed eminentissima. » Въ этой книгѣ о наукѣ поэзіи онъ набросалъ правила Неоптолема, правда, не всѣ, но самыя главнѣйшія. « — Но какъ Горацій работалъ надъ этимъ сочиненіемъ не сряду, и не наблюдалъ другаго порядка, кромѣ того, который представлялъ ему случай, по мѣрѣ чтенія и размышленія: то отъ этаго происходитъ, что въ его сочиненіи нѣтъ никакой методы, никакой связи частей, и что оно *никогда не было окончено*; или потому, что поэтъ не имѣлъ времени его усовершенствовать, или, что еще вѣроятнѣе, потому, что не хотѣлъ этимъ заняться », — Англичанинъ *Боксгавенъ* находитъ даже въ этомъ твореніи не болѣе, какъ отрывочное собраніе различныхъ бѣседъ поэта съ Пизонами, собранное съ тѣмъ намѣреніемъ,

чтобы внушить старшему изъ сыновей Пизона недовѣрчивость къ его слабому дарованію и удержать его отъ охоты блистать своимъ стихотворствомъ. — *Гардуинъ* поступилъ всѣхъ лучше: онъ для Ars poëtica придумалъ другаго Горація.

3.

Между тѣми, которые совершенно противоположнаго мнѣнія, и находятъ въ этомъ стихотвореніи полную систему піитики, *Дан. Гейнзій* испробовалъ и надъ нимъ свой талантъ къ перестановкамъ, оказанный имъ надъ Аристотелемъ, съ какимъ успѣхомъ, это извѣстно! — Тѣмъ страннѣе видѣть, что послѣ него италіянецъ *Патрини* предпринималъ опять нѣчто подобное, и еще съ большею смѣлостію.

Но ни одинъ еще истолкователь не доходилъ до той дерзости, съ которою *Гейнзій* переставлялъ самовольно стихи Горація, которые казались ему не на своемъ мѣстѣ; между тѣмъ основанія, руководившія его въ этихъ перестановкахъ, пріобрѣли новыхъ защитниковъ. Берлинскій профессоръ *Михельсенъ* издалъ Гораціеву Науку Поэзіи въ переводѣ и съ объясненіями, присоединивъ къ заглавію: *представленная, какъ превосходное цѣлое*, (als ein vortreffliches ganzes dargestellt. Halle. 1787). Онъ открываетъ въ обыкновенномъ, извѣстномъ порядкѣ стихотворенія — три слѣдующія главныя части: 1.) Вступленіе до ст. 37. 2.) Общія правила до ст. 153, и особенныя для драмы, до ст. 308. 3.) Разныя правила, относящіяся къ цѣли и средствамъ, которыми поэтъ можетъ приблизиться къ совершенству. Введенный въ заблужденіе худо понятымъ сужденіемъ *Лессинга*, онъ хотѣлъ даже доказать, что Наука Поэзіи Горація, въ практическомъ отношеніи, есть тоже самое для поэтовъ, что

Эвклидовы Элементы для математиковъ! До такой степени увлекаетъ страсть къ системѣ!"

Но въ открытіи самаго яснаго и совершеннѣйшаго порядка въ этомъ стихотвореніи былъ особенно увѣренъ Вѣнской профессоръ *Регельсбергеръ*, въ малоизвѣстномъ, но очень замѣчательномъ изданіи Науки Поэзіи, котораго самое заглавіе уже возбуждаетъ вниманіе. Вотъ оно: *Гораціева Наука Поэзіи, въ новооткрытомъ порядкѣ. Совершеннѣйшее дидактическое стихотвореніе древности и мастерское произведеніе подражательнаго искуства и краткости. Латинскій подлинникъ, напечатанный съ восьмисотлѣтней рукописи, переведенный тою же самою мѣрою, съ комментаріемъ, примѣчаніями, разными родами чтенія и извлеченіемъ изъ Аристотелевой піитики. Вѣна. 1797.* — «Сколь ни трудно, говоритъ *Габерфельдъ*, согласиться съ этимъ критикомъ въ главномъ его мнѣніи, которое съ перваго взляда кажется уже страннымъ, по своему учебному раздѣленію и подраздѣленію, съ разными заглавіями къ каждому; однако нельзя не удивляться проницательности, съ которою онъ привелъ это стихотвореніе въ полную систему. Ея наружная легкость, соединенная съ изложеніемъ живымъ и полнымъ энтузіазма къ основной мысли, можетъ изумить даже и тѣхъ, которые имѣютъ твердую точку зрѣнія для разсмотрѣнія этого стихотворенія; а тонкая софистика издателя, съ которою онъ находитъ въ немъ все ученіе Аристотеля, о изобрѣтеніи, расположеніи и выраженіи, съ примѣненіемъ къ поэзіи, даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, можетъ обмануть и самаго осторожнаго читателя!» — «Нечего и думать, замѣчаетъ онъ же, чтобъ можно было найти такую логическую точность, не только въ какомъ бы то ни было дидактическомъ стихотвореніи, но даже и въ разговорахъ Платона, которыхъ расположеніе столь художественно. Тѣмъ менѣе можно ожидать этаго отъ стихотворенія, имѣющаго видъ эпи-

столы, къ которому всего болѣе идетъ натуральный, свободный и непринужденный ходъ мыслей. »

Шёль называетъ однако Регельсбергера ученнѣйшимъ и основательнымъ критикомъ, хотя говоритъ о его книгѣ, что она заслуживаетъ чтеніе, только какъ замѣчательное діалектическое произведеніе.

Въ наше время Парижскій профессоръ *Бутми*, издавшій Горацієву Ars poëtica для своихъ слушателей (1830), повторилъ почти подобный же опытъ, съ тою только разницею, что онъ не переставливаетъ отдѣльныхъ стиховъ Горація, а переноситъ цѣлыя мѣста, назначая имъ другое мѣсто. Посредствомъ этаго ему удалось тоже найти нѣкоторую систему, и въ слѣдствіе этаго раздѣлить все твореніе Горація на части, подъ разными заглавіями. Вотъ они: 1.) Приличіе и соотвѣтственность частей между собою; 2.) Порядокъ и расположеніе частей; 3.) Выраженіе; 4.) Стихосложеніе; 5. Стиль; 6.) Нравы; 7.) Представленіе въ дѣйствіи и разсказъ; 8.) Вторично разсказъ; 9.) Посредственность въ поэзіи; 10.) Сумасбродство нѣкоторыхъ стихотворцевъ; 11.) Познанія, нужныя для поэтовъ; 12.) Цѣль, которую должны предполагать себѣ поэты; 13.) Необходимость соединять науку съ природными способностями; 14.) Опасность лести и польза критики. — Объ этомъ расположеніи частей можно сказать, что оно все-таки не представляетъ правильнаго учебнаго плана; слѣдовательно вполнѣ безполезно, и не стоило труда подвергать Горація такой передѣлкѣ. Профессору *Бутми*, кажется, не былъ извѣстенъ трудъ *Регельсбергера*, который по крайней мѣрѣ отличается искусствомъ діалектика. — Но такъ какъ Французы не любятъ каменистаго пути изысканій, а любятъ гладкую дорогу собственнаго вкуса, полагаясь на довѣрчивость своихъ читателей: то г. *Бутми* даже не принялъ

труда предувѣдомить читателей о разницѣ этого изданія со всѣми извѣстными, и можетъ ввести въ обманъ всякаго, кто не остережется сличить ихъ.

4.

Гораздо важнѣйшую заслугу оказали тѣ истолкователи, которые признавали въ эпистолѣ Горація—ея частное назначеніе. *Ламбинъ и Бакстеръ* находили въ ней правила и наставленія, относящіяся къ драмѣ. Англичанинъ *Ричардъ Гурдъ*, въ своемъ подробномъ комментаріѣ, старался подтвердить ихъ же мнѣнія. Дѣйствительно, большая часть этой эпистолы занята искуствомъ драматическимъ. Этотъ взглядъ конечно даетъ цѣлому единство цѣли и плана, не обременяя поэта строгою систематическою связью; однакожъ не безъ затрудненія примѣняется эта гипотеза ко всѣмъ частямъ этаго стихотворенія. И потому *Гурдъ* во многихъ мѣстахъ долженъ былъ дѣлать натяжки, чтобы приладить ихъ къ своей гипотезѣ; особенно въ вступленіи и въ окончаніи стихотворенія, которыя имѣютъ характеръ общности и никакого отношенія къ предполагаемой главной цѣли. Наконецъ, если и принять связь этихъ частей, какъ принимаетъ ее *Гурдъ*, то все-таки нельзя понять, для чего римской поэтъ, если онъ хотѣлъ представить только критику римскаго театра, распространился такъ далеко, и предложилъ столь много общаго, и о драмѣ, и о другихъ родахъ поэзіи.

Удовлетворительнѣе ихъ понимаетъ *Санадонъ*—ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на поэму Горація. Онъ первый изъ всѣхъ толкователей бросилъ довольно ясный, хотя и несовсѣмъ вѣрный взглядъ на главную цѣль, которая могла быть побудительною причиною къ ея сочиненію. « Негодованіе Горація, говоритъ онъ, противъ нѣкоторыхъ писателей его времени, которые выдавали себя за поэтовъ, не понимая духа истинной

поэзіи, а можетъ быть настоянія Пизона и нѣкоторыхъ другихъ знаменитыхъ друзей поэта: вотъ что побудило его распространиться объ этомъ предметѣ вообще. »

Энгель — оба эти мнѣнія, *Гурда* и *Санадона*, соединилъ въ одно, и находитъ въ эпистолѣ Горація — наставленіе римскимъ поэтамъ и критикамъ, особенно въ отношеніи къ драмѣ: ибо Горацій, какъ видно изъ многихъ его сатиръ и эпистолъ, не избѣгнулъ ни отъ зависти мелкихъ стихомарателей, ни отъ суда и осужденій полузнатоковъ; а съ другой стороны—вѣкъ Августа, при всѣхъ мастерскихъ произведеніяхъ, почти во всѣхъ родахъ поэзіи, нисколько не улучшилъ римскую драму, напротивъ даже пренебрегалъ сю, и испортилъ ее введеніемъ мимъ. И потому, полагаетъ онъ, очень естественно думать, что Горацій хотѣлъ: 1.) Высказать откровенно свои чувствованія, и написать не полную піитику, а выставить главныя ошибки римскихъ поэтовъ и главныя основанія римскихъ критиковъ; преимущественно же 2.) сказать свое мнѣніе о римскомъ театрѣ, какъ о самой необработанной части римскаго національнаго искуства, показать причины его несовершенства и предложить нѣкоторыя средства къ его улучшенію. — Изъ этой мысли Энгеля понятнѣе, чѣмъ изъ прежнихъ гипотезъ: 1.) Почему Горацій выбралъ форму эпистолы? потому именно, что она не связывала его строгою системою и оставляла ему полную свободу тонкой насмѣшки надъ плохими стихотворцами. 2.) Почему онъ писалъ къ двумъ мододымъ людямъ? потому что онъ подъ видомъ желанія дать истинное направленіе ихъ вкусу, безъ всякаго притязанія могъ предложить и свое ученіе, и свою критику. 3.) Почему онъ въ началѣ столь много говоритъ о единствѣ плана и о языкѣ, а въ концѣ о средствахъ воспитывать поэтическое дарованіе и о необходимости подвергать себя сужденію свѣдущихъ друзей? потому что онъ хотѣлъ указать путь къ совершенству всѣмъ

стихотворцамъ и остеречь ихъ отъ нѣкоторыхъ главныхъ ошибокъ во всѣхъ родахъ поэзіи. Наконецъ, 4.) Отъ чего онъ столь долго останавливается на поэзіи драматической? Это потому что она была всѣхъ несовершеннѣе и болѣе другихъ требовала исправленія. — Изъ этихъ объясненій *Энгеля* метода поэмы представляется покрайней мѣрѣ такою, какая возможна для дидактической эпистолы: вездѣ *одна* главная цѣль; но исполненіе ея свободно, скрыто и повидимому не имѣетъ порядка. Однакожъ цѣлый составъ поэмы раздѣляется явственно на три части: 1.) Общее введеніе, ст. 1 — 88, или правила и замѣчанія, относящіяся до всѣхъ родовъ поэзіи; 2.) отъ ст. 89 до 294. занимаетъ римская драма и благороднѣйшій родъ ея — трагедія; 3.) отъ ст. 295 до конца — говорится о правильности и совершенствѣ, и частію объ удаленіи причинъ, которыя имъ препятствуютъ, частію дается совѣтъ о средствахъ къ достиженію совершенства.

Всякой согласится, что цѣль и планъ поэмы, обозначенные Энгелемъ, содержатъ въ себѣ много вѣрнаго, хотя бы при этомъ и не принять въ соображеніе опредѣленной, частной цѣли, происходящей отъ особеннаго отношенія этаго стихотворенія къ Пизонамъ.

Преимущественно въ этомъ ближайшемъ отношеніи разсматривалъ поэму Горація — *Виландъ*, который шагнулъ еще далѣе *Санадона*, и основываясь на нѣкоторыхъ указаніяхъ самаго Горація, нашелъ новую гипотезу, въ которой впрочемъ виденъ болѣе остроумный поэтъ, нежели мелочной критикъ.

« Молодой Пизонъ, говоритъ онъ, оказывалъ, въ продолженіе своего ученія, особенную любовь къ поэзіи, и такую охоту къ стихотворству, что наконецъ это встревожило отца его. Можно, и не имѣя истиннаго врожденнаго таланта, пристраститься къ стихотворству. Это нерѣдко случается съ молодыми людьми,

и вѣроятно было съ молодымъ Пизономъ. Вѣроятно, молодой человѣкъ занимался сочиненіемъ стиховъ, не такъ, какъ игрушкой, и не изъ моды; а дѣлалъ изъ этаго занятіе важное. Отецъ, принадлежавшій къ первѣйшимъ фамиліямъ Рима, желалъ, сколько можно, поддержать наслѣдственный блескъ своего рода. Ему казалось столь неприличнымъ подвергать насмѣшкамъ страсть своего сына, несоотвѣтствующую его роду и его назначенію, что онъ рѣшился отучить его. И потому онъ просилъ своего друга Горація дать ему истинное понятіе о поэзіи и представить ему ея трудности и опасности. — Пизонъ, какъ легко угадать, былъ съ Гораціемъ въ столь хорошихъ и близкихъ отношеніяхъ, что поэтъ не могъ отказать ему въ этой услугѣ, которая впрочемъ такъ мало ему стоила. Ему казалось самымъ приличнѣйшимъ средствомъ достигнуть непрямымъ образомъ этого намѣренія, и написать такое сочиненіе, въ которомъ были бы раскрыты главнѣйшія правила и таинства поэтическаго искусства. Можетъ быть, молодой Пизонъ и самъ просилъ такого наставленія; въ такомъ случаѣ Горацій, подъ видомъ, будто хочетъ образовать изъ него поэта, обратилъ свою рѣчь къ тому, чтобы устрашить его трудностію искуства. Къ этому намѣренію особенно былъ приличенъ Гораціевъ способъ философствованія, видимый нами въ его сатирахъ (sermones) и эпистолахъ. Свободное, безъ всякой опредѣленной методы, послѣдованіе своимъ мыслямъ, свойственное этому роду сочиненій, дозволяло поэту небольшіе эпизоды и отступленія, на которые наводило его расположеніе его духа; при этомъ главное намѣреніе его тѣмъ менѣе бросалось въ глаза, и тѣмъ болѣе могло сдѣлать его сочиненіе занимательнымъ, не только для тѣхъ людей, для которыхъ оно было непосредственно предназначено, но и для другихъ читателей. Главное же — это былъ для него, какъ кажется, удобный случай сказать всю

правду мелкимъ стихотворцамъ, которые вокругъ него толпились, и дать имъ почувствовать, съ хладнокровной насмѣшкой презрѣнія, что они не понимаютъ и первыхъ началъ того искуства, въ которомъ упражняются ».

Замѣчательно, что эта же гипотеза, только съ небольшимъ измѣненіемъ, но на тѣхъ же основаніяхъ, предложена была Англичаниномъ Георгомъ *Кольманомъ*; однако вовсе независимо отъ мнѣнія *Виланда*. — *Шёль* совершенно ошибается, говоря, что *Кольманъ* присвоилъ себѣ его гипотезу.

5.

Представляю теперь мнѣніе *Габерфельда*, которое заслуживаетъ вниманіе особенно въ томъ отношеніи, что оно есть какъ бы слѣдствіе разсмотрѣнія и оцѣнки всѣхъ предшествующихъ предположеній, и что критикъ представляется въ немъ болѣе умѣреннымъ эклектикомъ, нежели построителемъ собственной системы.

« Гипотеза Виланда, говоритъ онъ, придумана совершенно согласно съ духомъ Горація. Почти всѣ его эпистолы и большая часть его сатиръ писаны сначала не для публики, а по какому нибудь особенному поводу. Это всего виднѣе изъ эпистолы его къ Лоллію (Кн. 1. эп. 18.) Не могли ли быть особенныя побудительныя причины и къ сочиненію посланія къ Пизонамъ ? »

« По всей справедливости, однако, нельзя умолчать и о томъ, что основанія Виландова заключенія были болѣе или менѣе ослаблены возраженіями нѣкоторыхъ толкователей и другихъ ученыхъ. Эти возраженія заключаются въ трехъ вопросахъ : 1.) Вѣроятно ли, чтобы Горацій написалъ столь длинное посланіе къ 14 или 15-лѣтнему мальчику, который сверхъ того еще

не оказывалъ никакого дарованія; Горацій, котораго муза была столь скупа и лѣнива, что не могла притти въ движеніе отъ такого незначительнаго побужденія? 2.) Не слишкомъ ли искуственна гипотеза Виланда; ибо онъ приписываетъ Горацію больше лукавства и тонкости, нежели вѣжливости, и всю эту тонкость—въ отношеніи къ молодому Пизону, котораго почитаетъ плохимъ стихотворцемъ. 3.) Не долженъ ли былъ Горацій, въ томъ намѣреніи, которое ему приписываютъ, написать нѣчто другое; и самое это намѣреніе сообразно ли было предполагаемой цѣли? Ибо, если она состояла только въ томъ, чтобъ показать трудности поэзіи, то къ чему такія подробности? Къ чему столь много наставленій въ правилахъ искуства? И если онъ хотѣлъ только отвратить бездарнаго юношу отъ страсти къ стихотворству, то къ чему такъ легко и вскользь говоритъ онъ о главномъ, т. е. о необходимости обладать геніемъ поэзіи? Почему содержаніе его посланія столько же и ободряетъ, сколько устрашаетъ трудностями искуства?»

«Если все это взять вмѣстѣ, то, кажется, *Виландъ* заключаетъ о частной побудительной причинѣ этаго посланія слишкомъ много, а *Энгель* слишкомъ мало! — Если же взять между ними середину, то, кажется, можно найти истинную точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на поэму Горація. Она — неболѣе и неменѣе, какъ дидактико-сатирическое сочиненіе противъ тогдашнихъ плохихъ стихотворцевъ Рима, поводомъ къ которому былъ предшествовавшій разговоръ съ Пизонами, или семейныя ихъ отношенія. — Это порицаніе недостойныхъ соперниковъ поэта, или наставленіе имъ, есть главная цѣль его; а отношенія, въ которыхъ состоялъ онъ съ Пизонами, подали только поводъ къ этому сочиненію: что видно изъ многихъ мѣстъ, къ нимъ относящихся; и это же дало форму дидактико-сатирическаго посланія такому произведенію, которое должно было быть

просто дидактическимъ. Однимъ опредѣляется его *содержаніе*; другимъ его колоритъ и наружная его *форма.* »

« Въ то время, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Гораціевыхъ эпистолъ (Кн. 1. Эп. 19. Кн. 2. Эп. 1 и 2.), Римъ былъ наполненъ людьми, которые считались поэтами больше по имени, чѣмъ по внутреннему достоинству. Эти люди принимали даже наружно видъ вдохновенныхъ поэтовъ : или являлись въ вакхическомъ изступленіи, или показывали циническое пренебреженіе къ приличію и пристойности, чтобы возбудить вниманіе народа и скрыть пустоту своей головы подъ наружностію человѣка, занятаго внутреннею мыслію. Суетность и нужда заставляли ихъ тереться около людей знатныхъ и осаждать ихъ своими стихами ; или искать знакомства богатыхъ людей, ихъ же разряда, съ тѣмъ, чтобы получить отъ нихъ что нибудь, или за чтеніе собственныхъ своихъ сочиненій, или за пристрастную похвалу сочиненіямъ самихъ покровителей. При этомъ обладали они особенною темнотою, по которой приписывали себѣ титло генія, который будто бы выше требованій и ограниченій искуства. Но пустота ихъ произведеній и несообразность съ цѣлію, особенно въ драматическомъ родѣ, который былъ тогда любимымъ и которымъ занимались наиболѣе; равно ошибки противъ здраваго вкуса, явно показывали какъ мстило имъ искуство за пренебреженіе его законовъ. Если же впадали въ это безуміе люди знатные и богатые, то ихъ положеніе было тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе находили выгоды ихъ голодные порицатели заслуживать ихъ уваженіе и щедрость, умышленно поддерживая ихъ сомообольщеніе. »

Прибавлю къ этимъ словамъ Габерфельда, что страсть къ стихотворству и къ публичнымъ чтеніямъ столь укоренилась въ Римѣ, что послѣ Горація она сдѣлалась всеобщею, господствующею модою. *Низаръ*, въ своемъ сочиненіи : Etudes sur les

poëtes latins de la décadence, представляетъ это въ живомъ и вѣрномъ разсказѣ. *Дезобри* (Siècle d'Auguste), говоря объ этихъ чтеніяхъ и основываясь на Плиніѣ (1. Ep. 13.), представляетъ даже вотъ какую картину. «Часть приглашенныхъ слушателей, сидя внѣ дома, убиваютъ время въ пустыхъ разговорахъ; менѣе равнодушные посылаютъ спрашивать, вошелъ ли рецитаторъ; потомъ—кончилъ ли предисловіе; потомъ—много ли прочиталъ листовъ?—Пропустивъ около двухъ третей сочиненія, входятъ они медленно и какъ будто нехотя; да и тутъ большая часть изъ нихъ уходятъ, не дождавшись конца: одни украдкой, какъ будто совѣстясь; а другіе, поднявши голову и безъ всякой церемоніи.»—Изъ 4 сатиры Горація (Кн. 1) видно, что и въ его время эти чтенія поэтовъ были уже въ употребленіи и надоѣдали слушателямъ; что онѣ происходили не только въ домахъ, но даже на форумѣ, даже въ банѣ: «потому, замѣчаетъ поэтъ, что въ затворенномъ мѣстѣ пріятнѣе кажется ихъ голосъ!»—Перехожу опять къ Габерфельду.

«Истинный поэтъ, продолжаетъ онъ, не могъ смотрѣть на это шутовство равнодушнымъ взглядомъ, или съ одной улыбкой сожалѣнія, когда искуство и истинный вкусъ были въ опасности, а истинное достоинство почиталось въ одномъ классѣ съ недостойною бездарностію. Отъ этаго, еще и прежде, Горацій случайно задѣвалъ этихъ людей бичемъ сатиры; но это болѣе раздражало, чѣмъ убѣждало людей, воображавшихъ себя поэтами, и нисколько не исцѣляло ихъ отъ безумія. Теперь, ободряемый, или побуждаемый Пизонами, онъ является съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поразить эту бездарную толпу, высказать всѣмъ ея ничтожность, и если можно, привести самое ее къ тому убѣжденію, что она выбрала ложную дорогу и не имѣетъ довольно силы, чтобы достичь высоты искуства. Онъ показываетъ этимъ людямъ, какъ должно понимать *искуство поэзіи* и

научаетъ ихъ, что *поэзія* есть дѣйствительно *искуство*. Онъ излагаетъ главнѣйшія правила и показываетъ ошибки; онъ откровенно объясняетъ имъ причины, почему они, не смотря на воображаемое ими призваніе быть поэтами, останутся всегда стихокропателями; наконецъ представляетъ имъ въ образецъ Грековъ, которыхъ превосходство должно устыдить и привести къ самочувствію людей, несовершенно ослѣпленныхъ.»

«Эта цѣль поэта, эта относительность къ тогдашнему состоянію поэтической литтературы Рима, эта тонкая насмѣшка надъ недостойными современниками — выступаютъ такъ ясно, съ начала до конца всей эпистолы, что нельзя не признать ихъ. Въ этомъ можетъ удостовѣрить малѣйшее воззрѣніе на главные пункты этаго произведенія. Въ самомъ началѣ плохіе стихотворцы находятъ уже каррикатуру своихъ произведеній. Далѣе — слышатъ, что красоты, которымъ они давали большую цѣну, называются ошибками (ст. 25.). Къ нимъ же относится правило, что отъ поэта требуется болѣе, чѣмъ умѣнье располагать слова по извѣстной мѣрѣ; что онъ долженъ наблюдать нѣкоторый тонъ и тактъ, свойственный искуству (ст. 85.). Они изображаются открывающими широко ротъ при самомъ возвѣщеніи своего намѣренія (ст. 138.). Имъ напоминается о самыхъ первоначальныхъ правилахъ сцены (ст. 179.). На ихъ отвѣтственность падаетъ большею частію искуственность театральной музыки (ст. 202.). Вмѣсто ихъ низкаго шутовства, имъ указывается на истинную остроту и вѐселость (ст. 225.). Противъ нихъ принимаетъ Горацій тонъ учителя, указывая имъ на музыкальность ямба (ст. 251), и занимаетъ всю послѣднюю половину эпистолы указаніемъ причинъ ихъ посредственности. Недостатокъ обработки (ст. 290); циническая гордость (ст. 295); пренебреженіе изученія философіи и особенно хорошихъ образцевъ (ст. 310); скупость и корыстолюбіе (ст. 330); незнаком-

ство со вкусомъ и умственными потребностями публики (ст. 343); пустыя оправданія въ ошибкахъ, на основаніи великихъ образцовъ (ст. 270); успокоеніе при посредственности (ст. 266); недостатокъ внутренняго призванія; обманъ подкупленной лести (ст. 425); гордая чувствительность къ замѣчаніямъ критики (ст. 442); наконецъ страсть къ стихописанью, которая граничитъ съ сумашествіемъ (ст. 453): вотъ, по мнѣнію поэта, важнѣйшія препятствія къ совершенству и главнѣйшія причины стихокропательства.»

«Изъ этаго краткаго обозрѣнія очевидна главная и конечная цѣль поэта: противустать упадку вкуса и распространенію страсти къ стихотворству. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, вся эпистола получаетъ единство цѣли и единство содержанія. Такъ объясняется само собою, какимъ образомъ поэту, и безъ посторонней просьбы, представился случай напомнить многія правила искуства, и становится понятнымъ, почему онъ объясняетъ ихъ не всѣ, а только тѣ, противъ которыхъ наиболѣе грѣшили современные ему писатели. Легко также угадать, почему на нѣкоторыхъ предметахъ, повидимому, неважныхъ, напр. объ образованіи новыхъ словъ, о ямбическомъ размѣрѣ, останавливался онъ долѣе, чѣмъ на другихъ. Именно потому, что, сообразно его намѣренію, это было особенно нужно. Если онъ не слѣдовалъ систематическому порядку, а наблюдалъ одинъ естественный ходъ мыслей, то въ этомъ оправдываетъ его то, что онъ хотѣлъ написать не сокращеніе науки піитической, а одно *дидактико-сатирическое посланіе*. При этомъ исчезаетъ всякая искуственная система; и односторонній взглядъ *Гурда* опровергается самъ собою. Правда, что Горацій останавливается болѣе всего на драмѣ, касается ея исторіи и извлекаетъ изъ нея многіе примѣры. Но это потому, что драма — важнѣйшій родъ поэзіи, который сильнѣе другихъ дѣйствовалъ на общій вкусъ

Римлянъ; это потому, что правила драмы переносились и на другіе роды поэзіи; потому наконецъ, что суетность плохихъ стихотворцевъ испытывала себя всего болѣе на театрѣ, но за то всего болѣе и открытѣе тамъ она подвергалась укоризнѣ.»

«Если мы признаемъ эту цѣль эпистолы, то легко будетъ опредѣлить и то, до какой степени можно допустить въ ней утверждаемое нѣкоторыми подражаніе древнему образцу, или совсѣмъ оное отринуть.»

«Схоліастъ *Порфиріонъ* указываетъ на одного грамматика, *Неоптолема Паросскаго*, изъ котораго Горацій будто бы заимствовалъ многія правила; *Дасье* прибавляетъ къ этому еще *Зенона, Критона* и *Демокрита*. Вообще же сравниваютъ эту эпистолу съ піитикой *Аристотеля*. *Грифоли* думалъ, что онъ первый сдѣлалъ такое открытіе, будто все это стихотвореніе взято изъ *Аристотеля*. Ему послѣдовали въ этомъ многіе истолкователи. Но никто не повелъ этаго сравненія такъ далеко, никто такъ много не основалъ на этомъ сравненіи, какъ *Регельсбергеръ*, который призвалъ на помощь даже и риторику Аристотеля! — Нельзя не согласиться, что нѣкоторыя отдѣльныя мѣста Гораціева стихотворенія имѣютъ сходство съ изложеніемъ правилъ у Аристотеля; однако изъ этаго не слѣдуетъ, чтобы Горацій, писавши свою эпистолу, имѣлъ Аристотеля передъ глазами, не говорю уже о томъ, чтобы онъ подражалъ всей его Піитикѣ.»

«Еще прежде *Регельсбергера* было сдѣлано другое, еще болѣе тонкое открытіе, Лейпцигскимъ профессоромъ *Шрейтеромъ*, которое послѣ съ большою проницательностію предложено было *Фридрихомъ Астомъ* въ его сочиненіи «о Платоновомъ Федрѣ.» (De Platonis Phaedro. Jenæ. 1801.) *Шрейтеръ* предполагалъ, что Горацій, при сочиненіи своей эпистолы, имѣлъ въ памяти Платонова Федра. Въ самомъ дѣлѣ, у философа-поэта и у поэта-философа—

цѣль одинакая: какъ тотъ съ веселымъ расположеніемъ духа обличалъ и порицалъ безуміе *риторовъ,* такъ и этотъ безвкусіе *стихотворцевъ.* Это доказалъ Шрейтеръ обстоятельно и убѣдительно. *Астъ* доказалъ также приведеніемъ паралельныхъ мѣстъ, что изъ многихъ мѣстъ Горація проникаетъ колоритъ Платона. Впрочемъ всѣ эти небольшія подражанія, или сходства, должно принимать не иначе, какъ подъ условіемъ свободнаго генія поэта, какимъ и былъ Горацій. Сколь малъ и сколь ограниченъ былъ бы геній поэта, который поставилъ бы себѣ въ достоинство перелагать въ стихи піитику Аристотеля, или который только чтеніемъ Платонова Федра настроилъ бы себя написать нѣчто въ подражаніе! — Нѣтъ! Горацій написалъ свое сочиненіе независимо отъ обоихъ; и оно вполнѣ соотвѣтствовало требованію его времени. Но духъ поэта, образовавшійся по Грекамъ и столь сродственный съ ними, безъ всякой подражательности могъ представить ему тѣже основанія, тѣже идеи и даже образы, которыми онъ напитался въ чтеніи ихъ произведеній, и которые посредствомъ размышленія такъ съ нимъ сроднились, что по справедливости могутъ почесться его собственностію. Нѣтъ никакой другой причины къ его сходству съ Аристотелемъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ, особливо же въ существенныхъ частяхъ теоріи драмы. И можно ли удивляться, что въ описаніяхъ поэта, который въ своемъ сельскомъ уединеніи бо́льшую часть своего времени посвящалъ Грекамъ, встрѣчаются иногда нѣкоторые слѣды воспоминаній обращенія его съ ними? — Это не значитъ, чтобы Горацій былъ рабскимъ подражателемъ! — Представимъ напримѣръ живую каррикатуру, которою начинается эпистола къ Пизонамъ — и сравнимъ ее съ тощимъ, и служащимъ только для примѣра, тѣмъ же образомъ Аристотеля и Платона! — Сравнимъ живое и поэтическое описаніе характера различныхъ возрастовъ человѣка съ философ-

скими отвлеченностями Аристотеля! — Замѣтимъ, какъ Горацій, въ своемъ извѣстномъ сравненіи падающихъ и вновь нараждающихся листьевъ, (ст. 60) борется съ Гомеромъ, оставляя ему преимущество только перваго употребленія этаго образа, но пользуясь имъ посвоему! — Наконецъ, замѣчая въ его предшественникахъ совершенно другой ходъ идей, мы не можемъ никакъ отказать эпистолѣ Горація въ оригинальности!»

«Что касается до общаго ея тона, то нельзя не дивиться, какъ какой нибудь *Гардуинъ* не находитъ въ ней Гораціева генія! Свободный и легкій ходъ идей; свободный и остроумный способъ разсужденій; сократовская веселость, соединенная съ римскою образованностію; простой, но поэтической языкъ и легкость стихосложенія; наконецъ аттическая тонкость мысли и выраженій: во всемъ этомъ нельзя не узнать Горація, творца сатиръ и другихъ эпистолъ! — Главный тонъ совершенно тотъ же, какъ и въ другихъ его эпистолахъ. Но эта имѣетъ преимущество по своему поэтическому содержанію. Какъ умѣетъ римской поэтъ оживить и возвысить предметъ самъ по себѣ сухой! Какъ благоразумно проводитъ онъ чрезъ все свое твореніе главныя идеи, не скучая читателю длинными рѣчами, и не возбуждая его отвращенія длинною сатирою! — То предписываетъ онъ правила и мимоходомъ напоминаетъ ошибки; то вводитъ дѣйствующими и говорящими лицами самихъ стихотворцевъ; то обращается къ Пизонамъ; то включаетъ самаго себя въ бесѣду; то вставляетъ эпизоды, какъ пункты отдохновенія, но всегда — или соединенные необходимо съ предметомъ, или ведущіе къ новымъ изъясненіямъ; то шутитъ, то становится важнымъ, то беретъ бичь Архилоха; и заключаетъ свое твореніе, чтобы дать ему полноту и округлость цѣлаго, тономъ высочайшаго сатирическаго порыва! — Исторія, живопись, музыка. древняя и новая драма, греческіе и римскіе

писатели, анекдоты, пословицы: все послужило ему къ оживленію цѣлаго; все, съ начала до конца, къ поддержанію вниманія читателя. Легкія и неожиданныя соединенія частей и такіе же переходы отъ одного къ другому у Горація извѣстны; но здѣсь онъ беретъ иногда откровенный, учительской тонъ древнихъ гномиковъ, который, если употребляется умѣренно и въ приличномъ мѣстѣ, всегда внушаетъ уваженіе.»

6.

Таковы были тѣ мнѣнія изслѣдователей, которыя можно подвести подъ нѣкоторую систему, и мнѣніе эклектика между ними *Габерфельда.* Не упоминаю о множествѣ другихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя замѣчательны только своею странностію. Но, какъ доказательство, до какой степени простиралась самоувѣренность нѣкоторыхъ толкователей и сумасбродство ни на чемъ неоснованныхъ нѣкоторыхъ умозаключеній о Гораціевой такъ называемой *піитикѣ*, не могу умолчать о мнѣніи *Теодора Марсиля*, бывшаго профессоромъ краснорѣчія въ Парижѣ, въ началѣ 17-го вѣка.

«Въ Азіи, въ Греціи, въ Македоніи и въ Египтѣ, говоритъ онъ, съ незапамятныхъ временъ — (и подлинно это времена незапамятныя!) — были общества избранныхъ людей для разсмотрѣнія произведеній поэзіи и краснорѣчія. Августъ, который хотѣлъ, чтобъ во время его правленія Италія не уступала ни въ чемъ Греціи, ни другимъ наиболѣе процвѣтавшимъ государствамъ, и который старался возбудить соревнованіе между писателями, употребляя къ этой прекрасной цѣли и награды и почести, учредилъ такое же общество и въ Римѣ; онъ отдалъ ему для засѣданій храмъ Аполлоновъ и пожертвовалъ ему библіотеку.»

« Вотъ, говоритъ *Дасье*, (разумѣется, въ шутку,) очень знаменитыя права на ученыя собранія, которыя мы называемъ Академіями! Если вѣрить *Теодору Марсилю,* то это ученое общество было составлено изъ 20 членовъ, которыхъ онъ и пересчитываетъ одного за другимъ, какъ будто онъ присутствовалъ при принятіи ихъ въ члены. Желательно бы только узнать, откуда онъ взялъ такое замѣчательное извѣстіе! Я боюсь, не выбралъ ли онъ ихъ изъ послѣднихъ стиховъ 10-й сатиры Горація. Впрочемъ, онъ очень нехудо выбралъ членовъ этаго общества. Вотъ имена ихъ: Виргилій, Варій, Тарпа, Меценатъ, Плотій, Вальгій, Октавій, Фускъ, двое Висковъ, Полліонъ, два Мессалы, два Бибула, Сервій, Фурній, Тибуллъ, отецъ Пизонъ и Горацій. Этотъ ученый критикъ не удовольствовался еще такимъ извѣстіемъ: но, такъ какъ догадкамъ и умозаключеніямъ трудно положить предѣлы, то и онъ полагаетъ, что именно это ученое общество побудило Горація написать піитику и собрать въ одно цѣлое всѣ извѣстныя правила и всѣ мнѣнія этаго общества о поэзіи. »

Послѣ столь многихъ и столь различныхъ мнѣній Европейскихъ ученыхъ объ одномъ и томъ же произведеніи Горація, (сохраняя впрочемъ все уваженіе къ нѣкоторымъ изъ нихъ,) какъ не вспомнить о всѣхъ другихъ — двустишіе Шиллера:

Wie doch ein einziger Reicher, so viele Bettler in Nahrung
Setzt! — Wenn die Köenige bau'n, haben die Kaerrner zu thun!

7.

Въ новѣйшее время древняя литтература мало по малу теряла свою важность въ глазахъ литтераторовъ; а мнѣнія ученыхъ, о литтературѣ вообще, начали менѣе и менѣе возбуждать любо-

пытство, вниманіе и уваженіе публики. Въ наше время одни трудолюбивые и терпѣливые нѣмцы занимаются еще объясненіемъ Горація. Знаменитая Лейпцигская ярмарка ежегодно продолжаетъ еще выпускать новыхъ комментаторовъ! — Они ли отстали отъ вѣка, или вѣкъ ушелъ отъ нихъ въ сторону, я не рѣшаю. Но думаю, что древніе напомнили бы нѣсколько то, что мы забываемъ, покрайней мѣрѣ хоть это Гораціево правило:

Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum. (1. sat. 1.)

т. е.

Мѣра должна быть во всемъ, и всему наконецъ есть предѣлы,
Дальше и ближе которыхъ не можетъ добра быть на свѣтѣ!

8.

Въ числѣ тѣхъ писателей, которые говорили только мимоходомъ о Гораціевой Ars poëtica, я не могу умолчать о двухъ знаменитыхъ людяхъ, которые хотя не сходны геніемъ, но сходны своею универсальностію, сходны иногда легкостію сужденій, блескомъ ума и его холодностію, и наконецъ измѣнчивостію Протея, принимавшею всѣ формы! — Чувствую, что сказавши это, я возбужу противъ себя негодованіе всѣхъ почитателей великаго германскаго поэта, точно такъ же, какъ возбудилъ бы неудовольствіе всѣхъ поклонниковъ мнимаго французскаго философа, если бы писалъ это лѣтъ за пятьдесятъ до нашего времени! — Я говорю о *Вольтерѣ* и *Гёте*.

Вольтеръ сравниваетъ Горація съ Буало, и отдаетъ преимущество послѣднему. « Метода, говоритъ онъ, есть конечно одна

изъ красотъ дидактической поэзіи; а у Горація нѣтъ никакой методы!»

Странно очень, какъ такой проницательный умъ, какъ Вольтеръ, почиталъ методу одною изъ красотъ какого бы то ни было рода поэзіи! Это объясняется только общимъ характеромъ поэзіи французовъ и національнымъ предубѣжденіемъ всѣхъ ихъ писателей, даже и великихъ! — Это подаетъ случай сдѣлать нѣкоторое сравненіе между Ars poëtica Горація и l'Art poëtique de Boileau, которое долго служило, даже и у насъ, кодексомъ поэзіи!

Главный вопросъ состоитъ въ томъ: можно ли опредѣлить для изящнаго искуства, особенно для поэзіи, непреложныя правила и границы, какъ для наукъ точныхъ, или покрайней мѣрѣ, какъ для наукъ естественныхъ, или наукъ политическихъ? — Буало, въ своей Наукѣ Поэзіи, старается привести все въ точныя правила; между тѣмъ какъ Горацій, кромѣ немногихъ мѣстъ, въ которыхъ онъ какъ бы жертвуетъ наукѣ своего времени, учитъ болѣе избѣгать ошибокъ. Буало можетъ образовать ремесленника-стихотворца; Горацій воспитываетъ поэта. — Какъ различна ихъ цѣль, такъ различны и пріемы! — Читая Горація, переходишь безпрестанно отъ важнаго къ шуткѣ, отъ совѣта къ сатирическому примѣру. Читая Буало, видишь учителя, который науку поэзіи, ограниченной въ своемъ полетѣ его строгими правилами, заключаетъ въ полированныя оковы прекрасныхъ парныхъ стиховъ, которые наконецъ утомляютъ своимъ однообразіемъ и почти гномическою формою. У Горація нѣтъ острой эпиграммы; но множество отдѣльныхъ стиховъ, которые врѣзываются въ памяти, и которые дѣйствительно всѣ знаютъ наизустъ, напримѣръ хоть бы этотъ: Omne tulit punctum qui miscuit utile dulci! — Горацій нечувствительно ведетъ къ своей цѣли; и самый недостатокъ порядка и методы

не есть ли у него мастерство поэта, который знаетъ, что искуство свободно, и что отказываясь отъ воображенія для холоднаго разсудка, оно само у себя обрѣзываетъ крылья! — Какъ не могъ понять *Вольтеръ*, этотъ умъ живой и летучій, что поэзія поучаетъ не такъ, какъ учебникъ, написанный для школьнаго употребленія!

Когда *Гёте* учился въ Лейпцигѣ (1765 — 1768), тогда господствовала еще *Готшедова* піитика, противъ которой возставала школа *Брейтингера*. Но Гораціева Ars poëtica не была при этомъ въ пренебреженіи! — « Мы восхищались, говоритъ Гёте, отдѣльными золотыми изрѣченіями этаго безцѣннаго творенія, мы благоговѣли передъ ними; но никакъ не понимали что̀ дѣлать изъ цѣлаго, и какъ употребить его въ свою пользу! » — Лѣтъ черезъ сорокъ послѣ этаго (1806) онъ, кажется, не только не перемѣнилъ своего мнѣнія, но выразилъ его еще смѣлѣе и откровеннѣе. — « Это проблематическое произведеніе, говоритъ онъ, одному покажется такъ, а другому иначе, и каждому черезъ десять лѣтъ будетъ казаться опять иначе. Я принималъ-было на себя смѣлую отвагу истолкованія, и цѣлаго творенія, и отдѣльныхъ его частей, и очень желалъ изложить это на бумагѣ, хотя бы изъ юмористическихъ видовъ; но эти мысли и мечты обратились въ ничто и разлетѣлись на воздухъ, какъ тысячи имъ подобныхъ, высказанныхъ въ пріятельскомъ разговорѣ! »

9.

Теперь слѣдовало бы сказать о мнѣніяхъ рускихъ писателей. Но мы руские мало занимались древними. Свѣдѣнія о нихъ,

какъ и наука вообще, пришли къ намъ совсѣмъ готовыми; а пользоваться готовымъ капиталомъ не значитъ умѣть наживать самому. Мы воспользовались ими безъ труда, сколько намъ было нужно для домашняго употребленія, не болѣе; и ничего къ нимъ не прибавили! Новая Европа была для насъ тѣмъ Юпитеромъ, изъ больной головы котораго вышла для насъ Минерва въ полномъ вооруженіи, какъ скоро божественный ковачь Иѳестъ ударилъ своимъ тяжелымъ молотомъ и проколотилъ въ нее отверзтіе! — Мы не любимъ труда продолжительнаго, настойчиваго и головоломнаго; мы любимъ блеснуть, но въ сущности довольны немногимъ! Кромѣ того мы скромны и не любимъ высказывать своего мнѣнія, ни въ наукѣ, ни въ жизни; въ наукѣ мы ограничиваемся повтореніемъ чужихъ мнѣній, и до той степени боимся проговориться, что ученое разсужденіе безъ цитатъ, безъ указанія на свидѣтелей, не будетъ почтено ученымъ! Однимъ словомъ: мы ничего не сдѣлали для литтературы древнихъ.

Но въ пользу Гораціевой *Науки Поэзіи* есть однакожь одно исключеніе. Я говорю о прекрасномъ обозрѣніи ея профессоромъ *Шевыревымъ*, въ книгѣ, замѣчательной своей полнотою и разумнымъ, отчетливымъ сознаніемъ и изложеніемъ предмета. Это — его *Теорія Поэзіи, въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ* (1836).

Въ этой книгѣ Г. *Шевыревъ*, излагая кратко и ясно теорію Поэзіи въ Римѣ, дѣлаетъ одно замѣчаніе, которое, кажется, ускользнуло отъ другихъ, и которое въ двухъ словахъ обозначаетъ всю важность сочиненія Горація, въ отношеніи къ исторіи литтературы: « Это сочиненіе, говоритъ онъ, будетъ для насъ единственнымъ памятникомъ теоріи поэзіи у Римлянъ. » — Это замѣчаніе рускаго профессора — очень мѣтко и заслуживаетъ

полное вниманіе. — Оно, скажутъ мнѣ, очень просто и представляется само собою. — Такъ! но простое всего труднѣе, особенно для ученаго; но никто не опредѣлилъ такъ вѣрно, въ немногихъ словахъ, значеніе Науки Поэзіи Горація для новѣйшей науки!

Не признавая въ сочиненіи Горація полной и стройной дидактической поэмы о теоріи поэзіи, тѣмъ не менѣе Г. *Шевыревъ* признаетъ въ ней цѣль не частную, относящуюся только къ Пизонамъ, и не одну цѣль сатирическую, но прямо *дидактическую*, основываясь на стихахъ самаго Горація:

Ergo fungar vice cotis, acutum
Reddere quæ ferrum valet, exsors ipsa secandi;
Munus et officium, nil scribens ipse, docebo
Unde parentur opes, quid alat formetque poëtam
Quid deceat, quid non, quo virtus, quo ferat error.

т. е.

Стану же должность оселка я отравлять: онъ не рѣжетъ:
Но за то онъ желѣзо остритъ! — Самъ писать я не буду;
Но открою другимъ чтò творитъ и питаетъ поэта,
Чтò прилично, чтò нѣтъ, въ чемъ искуство и въ чемъ заблужденье!

Онъ подтверждаетъ эту цѣль отношеніемъ этой эпистолы Горація къ другой его же эпистолѣ къ *Августу*. (Кн. 2. Эп. 1.)— «Вездѣ, говоритъ онъ, таже форма безсвязнаго свѣтскаго разговора, который подъ наружнымъ безпорядкомъ скрываетъ внутреннюю связь. Вездѣ то же изобиліе остроумныхъ сентенцій, въ которыхъ Горацій выражалъ результаты своихъ опытныхъ наблюденій надъ жизнію и надъ искуствомъ!»

Далѣе Г. *Шевыревъ* полагаетъ, что теорію Горація можно раздѣлить на стихіи *Греческую* и *Римскую*; что въ первой половинѣ, до стиха: Nil intentantum nostri liquere poëtæ (ст. 285), искуство разсматривается само въ себѣ; во второй рѣшается собственно римской вопросъ: объ отношеніи поэзіи къ жизни и о поэзіи въ Римѣ. И потому, по его мнѣнію; Ars poetica, какъ и піитика Аристотеля, преимущественно касается драмы; ибо у Грековъ вся теорія поэзіи состояла въ теоріи драмы, въ которой олицетворялись главныя начала изящнаго въ искуствѣ. — Въ другой половинѣ онъ находитъ уже рѣшеніе римскаго практическаго вопроса о поэзіи: къ чему поэзія и какая цѣль поэзіи? Здѣсь, говоритъ онъ, поэтъ преслѣдуетъ уже это житейское, корыстное направленіе Рима, при которомъ не можетъ процвѣтать безкорыстно-прекрасное.

Нельзя не согласиться, что воззрѣніе Г-на *Шевырева* на Ars poëtica Горація есть, кажется, самое ясное, вѣрное и простое, безъ всякихъ предположеній и парадоксовъ, отъ которыхъ не ушли ученые иностранцы.

Касательно формы этаго творенія, я совершенно согласенъ съ тѣми, которые признаютъ его простою эпистолою, какъ и другія того же поэта, но имѣющею цѣль прямо дидактическую: эпистола къ Августу вполнѣ оправдываетъ это мнѣніе. Надобно совсѣмъ не имѣть понятія о поэзіи, чтобы отъ эпистолы, хотябы и дидактической, требовать чистой дидактики подъ правильной учебною формой. Сколько ни извѣстно намъ поэмъ строго-дидактическихъ, и древнихъ и новѣйшихъ, всѣ онѣ, за исключеніемъ можетъ быть Георгикъ Виргилія, не избѣгли сухости и скуки, не смотря на искуство поэтовъ. Горацій былъ истинный поэтъ: онъ чувствовалъ опасность чистой дидактики въ поэзіи, и

никогда бы не рѣшился подвергнуться такому непреодолимому опыту!

10.

Скажемъ теперь о названіи Гораціевой поэмы. Пользуюсь въ этомъ случаѣ опять Габерфельдомъ, какъ руководительной нитью моего обозрѣнія.

«Обыкновенное и отъ самой древности употребительное ея названіе: De Arte poëtica, или De Arte poetica liber. Но уже *Ламбинъ* замѣтилъ, и весьма справедливо, что оно не соотвѣтствуетъ обычаю Горація надписывать сатиры и эпистолы не по содержанію, а по именамъ тѣхъ лицъ, къ которымъ онѣ относятся. Точно также думаетъ и *Фоссій*. Но если принять, что Горацій хотѣлъ написать не науку поэзіи, а хотѣлъ только отвратить современныхъ стихотворцевъ отъ ихъ заблужденій: то это имя De Arte poëtica уничтожается само собою, и его древность не даетъ ему никакого права, какъ доказали это — *Геснеръ* въ своемъ изданіи Горація и *Эшенбургъ* въ своемъ переводѣ *Гурда*. Хотя такъ же названа эта эпистола и въ Наставленіяхъ Оратору *Квинтиліана*, и въ предшествующемъ имъ письмѣ: ad Tryphonem; хотя нельзя не сознаться, что многіе грамматики, и древнѣйшіе истолкователи Горація: *Акронъ* и *Порфиріонъ*, также древнѣйшія рукописи и всѣ первыя изданія Горація, даже изданіе *Альда* — всѣ представляютъ это же названіе: Ars poëtica; но все это свидѣтельствуетъ болѣе о древности этаго имени, нежели о его подлинности. Впрочемъ, очень легко можно объяснить себѣ его происхожденіе. Съ давняго времени начали грамматики писать комментаріи на эту эпистолу Горація, и притомъ всего болѣе обращать вниманіе на

содержащіяся въ ней правила поэзіи. Можетъ быть для этаго раздѣлили ее на нѣсколько отдѣленій, какъ можно заключать изъ словъ *Квинтиліана:* Horatius in *prima parte* libri de arte poëtica. Отъ этаго могло произойти и названіе De Arte poëtica, составленное совершенно въ духѣ тѣхъ грамматиковъ. Даже, если оно первоначально употреблялось только ими, въ ихъ комментаріяхъ, то могло вскорѣ перейти и на самую эпистолу. Но самый важный авторитетъ противъ смысла этаго названія представляетъ намъ самъ Горацій. Въ этой эпистолѣ нѣсколько разъ повторяетъ онъ имена тѣхъ, къ кому она писана, и этимъ самымъ утверждаетъ ея названіе Ad Pisones; а очевидная форма эпистолы, форма, въ которой написано все это сочиненіе, ясно говоритъ въ пользу этаго же надписанія. Самая надпись грамматиковъ не могла совершенно вытѣснить прежнее имя; ибо во многихъ рукописяхъ и старинныхъ изданіяхъ они встрѣчаются вмѣстѣ.

11.

Изъ всѣхъ изложенныхъ мною мнѣній, имѣющихъ болѣе или менѣе цѣны въ своихъ частностяхъ, можно извлечь слѣдующіе общіе выводы:

1. Это произведеніе Горація должно принимать не за поэму дидактическую, не за піитику въ стихахъ, а просто за *дидактическое посланіе о поэзіи.*

2. Названіе Ars poëtica, хотя древнее, но не принадлежитъ самому Горацію. Однакожъ намъ, новѣйшимъ, можно по всей справедливости принять его, вопервыхъ, какъ принятое съ древности, а вовторыхъ для отличія этой эпистолы отъ другихъ.

3. Наружный недостатокъ плана и связи вопервыхъ оправдывается тѣмъ, что это произведеніе имѣетъ характеръ посланія; а вовторыхъ, что такая форма совершенно соотвѣтствуетъ свободѣ поэзіи, какъ искуству, которое не терпитъ ни симетріи, ни формы учебной методы.

4. Искуство Горація оказалось вполнѣ въ этой эпистолѣ, именно въ томъ, въ чемъ его упрекали; то есть, что онъ умѣлъ скрыть планъ учебный въ своихъ незамѣтныхъ и легкихъ переходахъ отъ предмета къ предмету, въ эпизодахъ, сентенціяхъ, въ шутливой веселости, перемѣшанной съ правилами, и наконецъ въ нѣкоторой сатирической наружности этаго произведенія.

12.

Фамилія *Пизоновъ*, къ которымъ писана эта эпистола, возводила свой родъ до втораго Царя Римскаго, *Нумы Помпилія*. Отецъ — *Луцій Кальпурній Пизонъ*, былъ годами шестнадцатью моложе Горація. Онъ почитался происходящимъ отъ *Кальпа* (Calpus), сына *Нумы*, и потому носилъ его имя, хотя это происхожденіе было основано только на преданіи и не подтверждалось исторіей (См. ст. 292. примѣч. 53.). Въ 739 году Рима былъ онъ Консуломъ вмѣстѣ съ М. Ливіемъ Друзомъ, потомъ правителемъ Памфиліи; а въ 743 году получилъ отъ Августа, котораго довѣренностію онъ пользовался, порученіе усмирить безпокойства, происходившія во Ѳракіи. Впослѣдствіи Тиберій наименовалъ его Префектомъ города Рима. Светоній и Плиній разсказываютъ, что предъ наименованіемъ въ эту должность онъ былъ подвергнутъ этимъ недовѣрчивымъ Государемъ опыту, посредствомъ вина, и долженъ былъ два дня и одну ночь пировать съ нимъ. Вѣроятно Тиберій хотѣлъ испытать, сохранитъ

ли онъ власть надъ своимъ разсудкомъ и языкомъ, при всей неумѣренности того времени (См. примѣч. 62). — *Сенека* (Эп. 83) хваля его, говоритъ, что онъ, не смотря на свою привычку пировать цѣлыя ночи на пролетъ, которую онъ и пріобрѣлъ со времени испытанія, и не смотря на то, что спалъ до полудня, былъ однако заботливымъ Префектомъ и содержалъ Римъ въ добромъ порядкѣ. Въ его познаніи людей и въ его гибкости болѣе всего увѣряетъ то, что онъ до пятидесяти лѣтъ умѣлъ поддержать себя въ довѣренности у Августа, и даже у Тиберія.

Что онъ любилъ поэзію, это можно заключить изъ одной эпиграммы *Антипатера*, который хвалитъ его, какъ покровителя поэтовъ; также изъ однихъ стиховъ, приписываемыхъ обыкновенно *Лукану*, и изъ словъ одного схоліаста, который написалъ, вѣроятно слѣдуя старому преданію: Nam et ipse Piso poëta fuit, et studiorum liberalium antistes, т. е. « и самъ Пизонъ былъ поэтъ и одинъ изъ первыхъ знатоковъ свободныхъ знаній. » — Тѣмъ вѣрнѣе можно предположить, что и сыновья его любили поэзію; ибо отчасти могъ на нихъ дѣйствовать примѣръ отца; отчасти — любить поэзію и разсуждать объ искуствахъ, это принадлежало къ хорошему тону молодыхъ Римлянъ.

13.

Время, въ которое написана эта эпистола Горація, опредѣлить трудно. Изъ стиха 438 заключаетъ *Санадонъ*, что ее должно отнести къ 730 году. *Дасье* полагаетъ, что трудно означить съ точностію время ея написанія. « Все, что можно заключить изъ стиха 438, говоритъ онъ, это то, что она написана послѣ 730-го года; и что вѣроятно даже, это было одно изъ послѣднихъ

произведеній Горація.» — *Виландъ* думаетъ, что она написана скорѣе прежде, чѣмъ послѣ Консульства Л. Пизона; слѣдовательно до 739 года. *Бентлей* говоритъ только, что вторая книга эпистолъ и Наука Поэзіи были послѣдними сочиненіями Горація, не опредѣляя впрочемъ года, въ который они изданы. Однако въ примѣчаніяхъ къ Наукѣ Поэзіи говоритъ онъ же, что письмо Цицерона къ М. Марію (перв. 7 кн.), было написано за сорокъ лѣтъ до Науки Поэзіи. А такъ какъ это письмо писано въ 699 году отъ основанія Рима: слѣдовательно Наука Поэзіи относится къ 739 году. — Это хронологическое примѣчаніе, говоритъ *Шёль,* принадлежитъ *Рейцу,* и самъ относитъ Науку Поэзіи къ тому же году. — «Во всякомъ случаѣ, говоритъ *Габерфельдъ,* она есть зрѣлый плодъ музы Горація и принадлежитъ къ позднѣйшимъ его произведеніямъ, какъ можно заключить изъ стиха 305 и слѣдующихъ; особенно же изъ того, что старшій сынъ Пизона упоминается, какъ юноша, занимающійся уже науками и упражняющійся въ поэзіи, слѣдовательно близкій къ togæ virili, т. е. къ совершеннолѣтію: что не могло быть прежде 738 года, или отъ 49 до 50 года жизни Горація.»

14.

Переводы Гораціевой Ars poëtica на новѣйшіе языки Европы— многочисленны; особливо же на нѣмецкой.

На руской языкъ Наука Поэзіи была переведена три раза.— Первый переводъ — *Тредьяковскаго,* въ прозѣ; переводъ близкій, почти литтеральный; но языкъ Тредьяковскаго извѣстенъ!— Два другіе, оба шестистопными ямбическими стихами, съ риѳмами. Одинъ — Профессора *Поповскаго,* современника и ученика

Ломоносова, подъ названіемъ: *Письмо о стихотворствѣ къ Пизонамъ* (Напеч. 1801 г.); другой — нашего современника, Профессора же *А. Ѳ. Мерзлякова*, подъ названіемъ: *Наука стихотворная, письмо къ Пизонамъ* (1808). Оба эти перевода — болѣе парафразы. Самая мѣра стиха и риѳма не допускали близости.

QUINTI HORATII FLACCI

ARS POËTICA.

EPISTOLA AD PISONES.

КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА

НАУКА ПОЭЗІИ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ПИЗОНАМЪ.

ARS POËTICA.

EPISTOLA AD PISONES.

Humano capiti cervicem pictor equinam
Jungere si velit et varias inducere plumas,
Undique collatis membris, ut turpiter atrum
Desinat in piscem mulier formosa superne:
Spectatum admissi risum teneatis, amici?
Credite, Pisones, isti tabulæ fore librum
Persimilem, cujus, velut ægri somnia, vanæ
Fingentur species, ut nec pes, nec caput uni
Reddatur formæ. — Pictoribus atque poëtis
Quidlibet audendi semper fuit æqua potestas.
Scimus, et hanc veniam petimusque damusque vicissim:
Sed non ut placidis coëant immitia, non ut
Serpentes avibus geminentur, tigribus agni.
Inceptis gravibus plerumque et magna professis
Purpureus, late qui splendeat, unus et alter

НАУКА ПОЭЗІИ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ПИЗОНАМЪ.

—

Еслибы женскую голову къ шеѣ коня — живописецъ
Вздумалъ приставить, и разные члены собравши отвсюду,
Перьями ихъ разпестрилъ, чтобъ прекрасная женщина сверху [1]
Кончилась снизу уродливой рыбой; смотря на такую
Выставку, други! могли ли бы вы удержаться отъ смѣха? [2]
Вѣрьте, Пизоны! на эту картину должна быть похожа
Книга, въ которой всѣ мысли, какъ бредъ у больнаго горячкой:
Гдѣ голова, гдѣ нога, безъ согласія съ цѣлымъ составомъ!
Знаю: поэтъ съ живописцемъ — все смѣютъ, и все имъ возможно,
Что захотятъ. Мы и сами не прочь отъ подобной свободы,
И другому готовы дозволить ее; но съ условьемъ,
Чтобы дикіе звѣри не были вмѣстѣ съ ручными,
Змѣи въ сообществѣ птицъ, и съ ягнятами лютые тигры! [3]
Къ пышному, много собой обѣщавшему громко, началу
Часто, блистающій издали, лоскутъ пришитъ пурпуровый:

Assuitur pannus, cum lucus et ara Dianæ,
Et properantis aquæ per amoenos ambitus agros,
Aut flumen Rhenum, aut pluvius describitur arcus :
Sed nunc non erat his locus ! Et fortasse cupressum
Scis simulare : quid hoc, si fractis enatat exspes
Navibus, ære dato qui pingitur ? — Amphora cœpit
Institui : currente rota cur urceus exit ?
Denique sit quod vis simplex duntaxat et unum.
Maxima pars vatum, pater et juvenes patre digni,
Decipimur specie recti : brevis esse laboro,
Obscurus fio : sectantem levia nervi
Deficiunt animique ; professus grandia turget :
Serpit humi tutus nimium, timidusque procellæ ;
Qui variare cupit rem prodigialiter unam,
Delphinum silvis appingit, fluctibus aprum,
In vitium ducit culpæ fuga, si caret arte.
Aemilium circa ludum faber imus et ungues
Exprimet, et molles imitabitur ære capillos,
Infelix operis summa, quia ponere totum
Nesciet. Hunc ego me, si quid componere curem,
Non magis esse velim, quam pravo vivere naso
Spectandum nigris oculis nigroque capillo.
Sumite materiam vestris, qui scribitis, æquam
Viribus, et versate diu, quid ferre recusent,
Quid valeant humeri. Cui lecta potenter erit res,
Nec facundia deseret hunc, nec lucidus ordo.
Ordinis haec virtus erit et venus, aut ego fallor,
Ut jam nunc dicat, jam nunc debentia dici

Или описанъ Діанинъ алтарь, или рѣзвый источникъ,
Вьющійся между цвѣтущихъ луговъ, или Рейнъ величавый,
Или цвѣтистая радуга на́-небѣ мутно-дождливомъ!
Но у мѣста-ль они? — Ты быть можетъ умѣешь прекрасно;
Кипарисъ написать? — Но къ чему, гдѣ заказанъ разбитый
Бурей корабль, съ безнадежнымъ пловцомъ?[4] — Ты работалъ амфору,
И вертѣлъ ты, вертѣлъ колесо; а сработалась кружка! [5]
Знай же, художникъ, что нужны во всемъ — простота и единство!
Большею частью, Пизоны, отецъ и достойные дѣти!
Мы стихотворцы бываемъ наружнымъ обмануты блескомъ!
Краткимъ ли быть я хочу — выражаюсь темно̀; захочу ли
Нѣжнымъ быть—дѣлаюсь слабъ; быть высокимъ—впадаю въ надутость!
Этотъ — робѣетъ, и бури страшась, пресмыкается долу;
Этотъ, любя чудеса, представляетъ въ лѣсу намъ дельфина,
Вепря въ волнахъ! — И повѣрьте, не зная искуства,
Избѣжавши ошибки одной, подвергаешься бо̀льшей! [6]
Близко отъ школы Эмилія [7] былъ же художникъ, умѣвшій
Ногти и гибкіе волосы въ бронзѣ ваять превосходно!
Въ цѣломъ — онъ былъ неудаченъ, обнять не умѣя единства!
Ежели я что пишу, не хотѣлъ бы ему быть подобнымъ;
Также, какъ я не хочу съ безобразнымъ быть носомъ, имѣя
Черные очи, или прекрасные черные кудри!
Всякой писатель предметъ выбирай, соотвѣтственный силѣ;
Долго разсматривай; пробуй, какъ но̀шу, поднимутъ ли плѐчи!
Если кто выбралъ предметъ по себѣ, ни порядокъ, ни ясность,
Не оставятъ его; выраженіе будетъ свободно!
Сила и прелесть порядка, я думаю, въ томъ, чтобъ писатель
Зналъ что гдѣ именно должно сказать, а все прочее — послѣ,

Pleraque differat et praesens in tempus omittat:
Hoc amet, hoc spernat promissi carminis auctor.

In verbis etiam tenuis cautusque serendis
Dixeris egregie, notum si callida verbum
Reddiderit junctura novum. Si forte necesse est
Indiciis monstrare recentibus abdita rerum,
Fingere cinctutis non exaudita Cethegis
Continget, dabiturque licentia sumta pudenter.
Et nova fictaque nuper habebunt verba fidem, si
Græco fonte cadant, parce detorta. Quid autem
Cæcilio Plautoque dabit Romanus, ademtum
Virgilio Varioque? — Ego cur, acquirere pauca
Si possum, invideor, cum lingua Catonis et Enni
Sermonem patrium ditaverit, et nova rerum
Nomina protulerit? — Licuit, semperque licebit,
Signatum praesente nota producere nomen.

Ut silvæ foliis pronos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit ætas,
Et juvenum ritu florent modo nata, vigentque.
Debemur morti nos, nostraque, sive receptus
Terra Neptunus classes aquilonibus arcet,
Regis opus; sterilisque diu palus, aptaque remis
Vicinas urbes alit, et grave sentit aratrum;
Seu cursum mutavit iniquum frugibus amnis,
Doctus iter melius: mortalia facta peribunt;
Nedum sermonum stet honos et gratia vivax.
Multa renascentur quæ jam cecidere, cadentque
Quæ nunc sunt in honore vocabula, si volet usus,

Гдѣ что идетъ; чтобъ поэмы творецъ зналъ что взять, что откинуть;
Также, чтобъ былъ онъ не щедръ на слова, но и скупъ и разборчивъ!
Если извѣстное слово, искуснымъ съ другимъ сочетаньемъ,
Сдѣлаешь новымъ — прекрасно! Но если и новымъ рѣченьемъ
Нужно, дотоль неизвѣстное нѣчто, назвать: ты старайся
Слово такое найти, чтобъ неслыхано было Цетегамъ! [8]
Эту свободу, когда остороженъ ты въ выборѣ будешь,
Можно дозволить себѣ; выраженіе новое вѣрно
Принято будетъ, если источникъ его благозвучный —
Грековъ прекрасный языкъ! — Что Римлянинъ Плавту дозволилъ,
Или Цецилію [9] — какъ запретить вамъ, Виргилій и Варій?...
Чтожь упрекаютъ мнѣ, если я вновь нахожу выраженья?
Энній съ Катономъ, новыхъ вещей именами, богато
Предковъ языкъ надѣлили [10]; всегда дозволялось, и нынѣ
Тоже дозволено намъ, и всегда дозволяемо будетъ
Новое слово ввести, современнымъ клеймомъ обозначивъ! [11]
Какъ листы на лѣсахъ измѣняются вмѣстѣ съ годами;
Прежніе-жъ всѣ облетятъ: такъ слова въ языкѣ! — Тѣ, состарясь,
Гибнутъ, а новые, вновь народясь, разцвѣтутъ и окрѣпнутъ! [12]
Мы и все наше — дань смерти! — Море ли, сжатое въ пристань,
(Подвигъ достойный царя!) корабли охраняетъ отъ бури;
Или болото безплодное, нѣкогда годное весламъ,
Грады сосѣдніе кормитъ, взрытое тяжкой сохою;
Или рѣка перемѣнитъ свой бѣгъ на удобный и лучшій,
Прежде опасный для жатвъ [13]: все, что смертное, должно погибнуть!
Неужели честь словъ и приятность ихъ — вѣчно живущи?...
Многіе падшіе, вновь возродятся; другіе же, нынѣ
Пользуясь честью, падутъ, лишь потребуетъ властный обычай,

Quem penes arbitrium est et jus et norma loquendi.
Res gestæ regumque ducumque et tristia bella
Quo scribi possent numero, monstravit Homerus.
Versibus impariter junctis querimonia primum
Post etiam inclusa est voti sententia compos :
Quis tamen exiguos elegos emiserit auctor,
Grammatici certant, et adhuc sub judice lis est.
Archilochum proprio rabies armavit iambo :
Hunc socci cepere pedem grandesque cothurni,
Alternis aptum sermonibus et populares
Vincentem strepitus, et natum rebus agendis.
Musa dedit fidibus divos, puerosque deorum,
Et pugilem victorem, et equum certamine primum,
Et juvenum curas, et libera vina referre.
Descriptas servare vices operumque colores,
Cur ego, si nequeo ignoroque, poëta salutor ?
Cur nescire pudens prave, quam discere malo ?
Versibus exponi tragicis res comica non vult ;
Indignatur item privatis ac prope socco
Dignis carminibus narrari coena Thyestæ.
Singula quæque locum teneant sortita decenter.
Interdum tamen et vocem comoedia tollit,
Iratusque Chremes tumido delitigat ore :
Et tragicus plerumque dolet sermone pedestri.
Telephus et Peleus, quum pauper et exul uterque ,
Projicit ampullas, et sesquipedalia verba,
Si curat cor spectantis tetigisse querela.
Non satis est pulchra esse poëmata : dulcia sunto,

Въ волѣ котораго все — и законы и правила рѣчи!

Всѣмъ намъ Гомеръ показалъ, какою описывать мѣрой
Грозныя битвы, дѣянья царей и вождей знаменитыхъ.
Прежде въ неравныхъ стихахъ заключалась лишь жалоба сердца; [14]
Послѣ же чувства восторгъ и событіе сладкихъ желаній!
Кто изобрѣлъ родъ Элегіи, въ томъ спорятъ ученые люди;
Но и донынѣ ихъ тяжба осталась еще нерѣшеной!
Яростный ямбъ изобрѣлъ Архилохъ [15]; и низкіе сокки,
Вмѣстѣ съ высокимъ котурномъ, усвоили новую стопу. [16]
Къ разговору способна, громка̀, какъ будто родилась
Къ дѣйствію жизни она, къ одолѣнью народнаго шума!
Звонкимъ же лиры струнамъ даровала безсмертная муза
Славить боговъ и сыновъ ихъ; борцовъ, увѣнчанныхъ побѣдой;
Бранныхъ коне́й, и веселье вина и заботы младыя!

Если въ поэмѣ я не могу наблюсти всѣ оттѣнки,
Всѣ ея краски, за что же меня называть и поэтомъ?...
Развѣ не стыдно незнаніе; стыдно только учиться?...
Комикъ находитъ трагической стихъ неприличнымъ предмету;
Ужинъ Тіеста — равно недостойно разсказывать просто
Разговорнымъ стихомъ, языкомъ, для комедіи годнымъ. [17]

Каждой вещи прилично природой ей данное мѣсто!
Но — иногда и комедія голосъ свой возвышаетъ!
Такъ раздраженный Хремесъ порицаетъ безумнаго сына
Рѣчью, исполненной силы [18]; нерѣдко и трагикъ печальный
Жалобы стонъ издаетъ языкомъ и простымъ и смиреннымъ!
Такъ и Телефъ, и Пелей, [19] въ изгнаньи и бѣдности оба,
Бросивши пышныя рѣчи, трогаютъ жалобой сердце!

Нѣтъ! недовольно стихамъ красоты; но чтобъ духъ услаждая,

Et quocunque volent animum auditoris agunto.
Ut ridentibus arrident, ita flentibus adflent
Humani vultus : si vis me flere, dolendum est
Primum ipsi tibi ; tunc tua me infortunia lædent,
Telephe vel Peleu ; male si mandata loqueris,
Aut dormitabo, aut ridebo. Tristia mœstum
Vultum verba decent, iratum plena minarum,
Ludentem lasciva, severum seria dictu.
Format enim natura prius nos intus ad omnem
Fortunarum habitum, juvat aut impellit ad iram,
Aut ad humum moerore gravi deducit et angit :
Post effert animi motus interprete lingua.
Si dicentis erunt fortunis absona dicta,
Romani tollent equites peditesque cachinnum.
Intererit multum, Davusne loquatur, an heros,
Maturusne senex an adhuc florente juventa
Fervidus ; an matrona potens, an sedula nutrix ;
Mercatorne vagus, cultorne virentis agelli ;
Colchus an Assyrius, Thebis nutritus, an Argis.
Aut famam sequere, aut sibi convenientia finge ,
Scriptor. Honoratum si forte reponis Achillem,
Impiger, iracundus, inexorabilis, acer,
Iura neget sibi nata, nihil non arroget armis !
Sit Medea ferox invictaque, flebilis Ino,
Perfidus Ixion, Io vaga, tristis Orestes.
Si quid inexpertum scenæ committis, et audes
Personam formare novam, servetur ad imum
Qualis ab incepto processerit, et sibi constet.

Всюду они увлекали его по волѣ поэта!
Лица людскія смѣются съ смѣющимся, съ плачущимъ плачутъ.
Если ты хочешь, чтобъ плакалъ и я, то самъ будь растроганъ:
Только тогда и Телефъ и Пелей, и несчастье ихъ рода,
Тронутъ меня; а иначе — или засну я со скуки,
Или же стану смѣяться! — Печальныя рѣчи приличны
Лику печальному; грозному — гнѣвъ; а веселому — шутки;
Важныя рѣчи идутъ и къ наружности важной и строгой:
Ибо такъ внутренно насъ напередъ устрояетъ природа,
Къ перемѣнамъ судьбы, чтобъ мы ихъ на лицѣ выражали —
Радуетъ что, иль гнѣвитъ, иль къ землѣ насъ печалію клонитъ,
Сердце-ль щемитъ, иль душа свой восторгъ изливаетъ словами!
Еслижь съ судьбою лица у поэта языкъ несогласенъ,
Въ Римѣ и всадникъ и пѣшій народъ осмѣютъ безпощадно! [20]
Въ этомъ есть разница: Давъ говоритъ, иль герой знаменитый, [21]
Старецъ, иль мужъ, или юноша, жизнью цвѣтущей кипящій;
Знатная родомъ матрона, или кормилица; также
Ассиріецъ, Колхидянинъ, пахарь, или разнощикъ;
Житель ли Греческихъ Ѳивъ, или Грекъ же — питомецъ Аргоса!
Слѣдуй преданью, поэтъ, иль выдумывай съ истиной сходно!
Если герой твой — Ахиллъ, столь прославленный въ пѣсняхъ: да будетъ
Пылокъ, дѣятеленъ, скоръ, и во гнѣвѣ своемъ непреклоненъ,
Кромѣ меча своего признавать нехотящій закона!
Гордой и лютой должна быть Медея; Ино — плачевна;
Іо — скиталица; мраченъ — Орестъ; Иксіонъ — вѣроломенъ! [22]
Если ввѣряешь ты сценѣ что новое; если ты смѣешь
Творческой силой лице создавать, неизвѣстное прежде:
То старайся его до конца поддержать таковымъ-же,

Difficile est proprie communia dicere tuque
Rectius Iliacum carmen deducis in actus,
Quam si proferres ignota indictaque primus.
Publica materies privati juris erit, si
Nec circa vilem patulumque moraberis orbem,
Nec verbum verbo curabis reddere fidus
Interpres, nec desilies imitator in arctum,
Unde pedem proferre pudor vetet aut operis lex.
Nec sic incipies, ut scriptor cyclicus olim :
« Fortunam Priami cantabo et nobile bellum. »
Quid dignum tanto feret hic promissor hiatu ?
Parturient montes, nascetur ridiculus mus.
Quanto rectius hic, qui nil molitur inepte :
« Dic mihi, Musa, virum, captæ post tempora Trojæ
Qui mores hominum multorum vidit et urbes. »
Non fumum ex fulgore, sed ex fumo dare lucem
Cogitat, ut speciosa dehinc miracula promat,
Antiphaten Scyllamque et cum Cyclope Charybdin :
Nec reditum Diomedis ab interitu Meleagri,
Nec gemino bellum Trojanum orditur ab ovo,
Semper ad eventum festinat et in medias res
Non secus ac notas auditorem rapit, et quæ
Desperat tractata nitescere posse, relinquit,
Atque ita mentitur, sic veris falsa remiscet,
Primo ne medium, medio ne discrepet imum.
Tu, quid ego et populus mecum desideret, audi.
Si plausoris eges aulaea manentis et usque
Sessuri, donec cantor « Vos, plaudite! » dicat :

Какъ ты въ началѣ его показалъ, съ самимъ собою согласнымъ!
Трудно однакожь дать общему личность [23]; вѣрнѣй въ Иліадѣ
Дѣйствіе вновь отыскать, чѣмъ представить предметъ незнакомый!
Общее будетъ по праву твоимъ, какъ скоро не будешь
Вмѣстѣ съ бездарной толпою въ кругѣ обычномъ кружиться;
Если не будешь идти по слѣдамъ, подражателемъ робкимъ,
Слово за словомъ, то избѣжишь тѣсноты, изъ которой
Стыдъ, да и самыя правила, выдти назадъ запрещаютъ!

Бойся начать, какъ циклическій прежнихъ временъ стихотворецъ: [24]
« Участь Пріама пою и войну достославную Трои! »
Чѣмъ обѣщанье исполнить, разинувши ротъ столь широ́ко?...
Мучило гору; а что родилось? смѣшной лишь мышенокъ!
Лучше стократъ, кто не хочетъ начать ничего не по силамъ:
« Муза! скажи мнѣ о мужѣ, который, разрушивши Трою,
« Многихъ людей города и обычаи въ странствіяхъ видѣлъ! »
Онъ не изъ пламени дыму хотѣлъ напустить [25]; но изъ дыма
Пламень извлечь, чтобы въ блескѣ чудесное взору представить:
Антифата и Сциллу, или съ Циклопомъ Харибду! [26]
Онъ не начнетъ Діомидовъ возвратъ съ Мелеагровой смерти, [27]
Ни Троянской войны съ двухъ яицъ, порожденія Леды! [28]
Прямо онъ къ дѣлу спѣшитъ; повѣствуя знакомое, быстро
Мимо онъ тѣхъ происшествій внимающихъ слухъ увлекаетъ;
Что воспѣвали другіе, того украшать не возмется;
Истину съ басней смѣшаетъ онъ такъ, сочетавши искусно,
Что началу средина, срединѣ конецъ отвѣчаетъ!

Слушай, чего я хочу и со мною народъ нашъ желаетъ!
Если ты хочешь, чтобъ зритель, съ минуты открытья завѣсы,
Слушалъ съ вниманіемъ, молча, до слова: « бейте въ ладоши! » [29]

Aetatis cujusque notandi sunt tibi mores,
Mobilibusque decor naturis dandus et annis.
Reddere qui voces jam scit puer et pede certo
Signat humum, gestit paribus colludere, et iram
Colligit ac ponit temere, et mutatur in horas.
Imberbis juvenis, tandem custode remoto,
Gaudet equis canibusque et aprici gramine campi ;
Cereus in vitium flecti, monitoribus asper,
Utilium tardus provisor, prodigus æris,
Sublimis cupidusque et amata relinquere pernix.
Conversis studiis ætas animusque virilis
Quærit opes et amicitias, inservit honori,
Commisisse cavet quod mox mutare laboret.
Multa senem circumveniunt incommoda, vel quod
Quærit et inventis miser abstinet ac timet uti,
Vel quod res omnes timide gelideque ministrat ;
Dilator, spe longus, iners, avidusque futuri,
Difficilis, querulus, laudator temporis acti
Se puero, censor castigatorque minorum.
Multa ferunt anni venientes commoda secum,
Multa recedentes adimunt. Ne forte seniles
Mandentur juveni partes, pueroque viriles ;
Semper in adjunctis ævoque morabimur aptis.
Aut agitur res in scenis, aut acta refertur.
Segnius irritant animos demissa per aurem,
Quam quæ sunt oculis subjecta fidelibus, et quæ
Ipse sibi tradit spectator. Non tamen intus
Digna geri promes in scenam, multaque tolles

То старайся всѣхъ возрастовъ нравы представить прилично,
Сходно съ натурою, какъ измѣняются люди съ годами.
Мальчикъ, который ужъ знаетъ значенiе словъ и умѣетъ [30]
Твердо ступать по землѣ — онъ ровесстниковъ любитъ и игры;
Вдругъ онъ разсердится, вдругъ и утихнетъ, и все не надолго.
Юноша, если надзора наставника онъ ужъ свободенъ,
Любитъ коней, и собакъ, и зеленое Марсово поле; [31]
Мягче онъ воска къ пороку; не слушаетъ добрыхъ совѣтовъ;
Медленъ въ полезномъ, и гордъ, и соритъ расточительно деньги;
Пылокъ въ желаньяхъ, но скоро любимую вещь оставляетъ!
Мужеской возрастъ, съ умомъ, измѣнившимъ наклонность съ лѣтами,
Ищетъ богатства, связей; онъ почестей рабъ — и боится
Какъ-бы не сдѣлать чего, въ чемъ раскается можетъ быть послѣ!
Старецъ — не знаетъ покоя: или несчастный въ заботахъ
Копитъ добро, иль боится прожить, что накоплено прежде;
Хладнокровно и съ робостью правитъ своими дѣлами;
Ждетъ и надѣется долго; не скоро рѣшается; жадно
Въ будущемъ ждетъ исполненья; ничѣмъ недоволенъ, печаленъ,
Хвалитъ то время, какъ молодъ онъ былъ, порицая вѣкъ новый!
Годы летятъ и приносятъ многiя блага; но много
Ихъ и уносятъ, какъ жизнь начинаетъ клониться къ закату!
Юношѣ роль не давай старика; а мальчику — мужа!
Каждаго возраста нравы — черты означаютъ иныя!
Дѣйствiе, или на сценѣ, или бываетъ въ разсказѣ.
Что къ намъ доходитъ чрезъ слухъ, то слабѣе въ насъ трогаетъ сердце,
Нежели то, что само̀ представляется вѣрному глазу,
И чему самъ свидѣтелемъ зритель. — Однакожь на сценѣ
Берегись представлять, что̀ отъ взора должно быть сокрыто,

Ex oculis, quæ mox narret facundia praesens.
Ne pueros coram populo Medea trucidet,
Aut humana palam coquat exta nefarius Atreus,
Aut in avem Progne vertatur, Cadmus in anguem.
Quodcunque ostendis mihi sic, incredulus odi.
Neve minor, neu sit quinto productior actu
Fabula, quæ posci vult et spectata reponi;
Nec deus intersit, nisi dignus vindice nodus
Inciderit; nec quarta loqui persona laboret.
Actoris partes chorus officiumque virile
Defendat; neu quid medios intercinat actus,
Quod non proposito conducat et hæreat apte.
Ille bonis faveatque et consilietur amice,
Et regat iratos, et amet peccare timentes;
Ille dapes laudet mensæ brevis, ille salubrem
Justitiam legesque et apertis otia portis;
Ille tegat commissa, deosque precetur et oret,
Ut redeat miseris, abeat fortuna superbis.
Tibia non, ut nunc, orichalco vincta tubaeque
Aemula, sed tenuis simplexque foramine pauco
Aspirare et adesse choris erat utilis, atque
Nondum spissa nimis complere sedilia flatu,
Quo sane populus numerabilis, utpote parvus,
Et frugi castusque verecundusque coibat.
Postquam coepit agros extendere victor et urbem
Latior amplecti murus, vinoque diurno
Placari genius festis impune diebus:
Accessit numerisque modisque licentia major.

Или что скоро въ разсказѣ живомъ сообщитъ очевидецъ!
Нѣтъ! не должна кровь дѣтей проливать предъ народомъ Медея;
Гнусный Атрей передъ всѣми варить человѣковъ утробы;
Прогна, предъ всѣми же, въ птицу, а Кадмъ въ змѣю превратиться:
Я не повѣрю тебѣ, и мнѣ зрѣлище будетъ противно!
Если ты хочешь, чтобъ драму твою, разъ увидѣвши, зритель
Видѣть потребовалъ вновь: то пять актовъ ей должная мѣра!
Но чтобъ боги въ нее не вступались; развѣ твой узелъ
Требуетъ высшей ихъ силы! — Равно — въ говорящихъ — четвертый
Лишній всегда: безъ него обойтись въ разговорѣ старайся!
Хоръ есть замѣна мужскаго лица; ничего между дѣйствій
Пѣть онъ недолженъ, что къ цѣли прямой не ведетъ и съ предметомъ
Тѣсно не связано! — Пусть ободряетъ онъ добрыхъ; совѣты
Имъ подаетъ; укрощаетъ пылъ гнѣва и гордость смиряетъ;
Пусть превозноситъ умѣренный столъ, справедливость святую,
Миръ и законъ, и врата городовъ безопасно отверзты;
Пусть онъ, повѣренный тайнъ, умоляетъ боговъ, чтобъ Фортуна
Вновь обратилась къ несчастнымъ, отъ гордыхъ же прочь удалилась!
Флейта была встарину не изъ многихъ частей, съединенныхъ
Мѣдью въ одно, какъ теперь, не соперница трубъ [32]; но простая,
Тихимъ приятная звукомъ, ладовъ имѣя немного,
Вторить лишь хору могла и быть слышной народу, который
Было легко перечесть: на скамьяхъ онъ еще не тѣснился;
Ибо умѣренъ былъ, нравами строгъ, и не шуменъ, и скроменъ!
Послѣ, какъ тотъ же народъ чрезъ побѣды расширилъ предѣлы
Мирныхъ полей; какъ обнесъ онъ свой городъ обширной стѣною;
Въ праздники началъ виномъ утѣшать надменную силу:
Большая вольность вошла тутъ и въ мѣру и въ тактъ музыкальный;

Indoctus quid enim saperet liberque laborum
Rusticus urbano confusus, turpis honesto ?
Sic priscae motumque et luxuriem addidit arti
Tibicen, traxitque vagus per pulpita vestem;
Sic etiam fidibus voces crevere severis,
Et tulit eloquium insolitum facundia praeceps :
Utiliumque sagax rerum et divina futuri
Sortilegis non discrepuit sententia Delphis :
Carmine qui tragico vilem certavit ob hircum,
Mox etiam agrestes satyros nudavit, et asper
Incolumi gravitate jocum tentavit eo, quod
Illecebris erat et grata novitate morandus
Spectator functusque sacris et potus et exlex.
Verum ita risores, ita commendare dicaces
Conveniet satyros, ita vertere seria ludo
Ne quicumque deus, quicumque adhibebitur heros,
Regali conspectus in auro nuper et ostro,
Migret in obscuras humili sermone tabernas,
Aut, dum vitat humum, nubes et inania captet:
Effutire leves indigna tragoedia versus,
Ut festis matrona moveri jussa diebus,
Intererit satyris paulum pudibunda protervis.
Non ego inornata et dominantia nomina solum
Verbaque, Pisones, satyrorum scriptor amabo;
Nec sic enitar tragico differre colori,
Ut nihil intersit Davusne loquatur et audax
Pythias, emuncto lucrata Simone talentum,
An custos famulusque dei Silenus alumni.

Ибо какъ требовать вкуса отъ грубости жителей сельскихъ,
Праздныхъ невѣждъ, съ горожанами смѣшенныхъ вмѣстѣ?—Тогда-то
Имъ въ угожденіе флейщикъ, съ простою старинной игрою
Пляску и пышность сталъ сочетать и ходить по помосту
Въ длинной одеждѣ; и самая лира умножила звуки! [33]
Выговоръ скорый тогда превратился въ высокій и важный;
Стали вводить въ разговоръ—изрѣченья, потомъ прорицанья,
Такъ, что поэтъ наконецъ говорилъ, какъ Дельфійскій оракулъ! [34]
Прежде трагической скромный поэтъ за козла состязался!
Вскорѣ во всей наготѣ сталъ лѣсныхъ выставлять онъ сатировъ; [35]
Вскорѣ попробовалъ, съ важностью вмѣстѣ, и рѣзкую шутку,
Съ тѣмъ, чтобы новымъ занять чѣмъ нибудь, чѣмъ нибудь да пріятнымъ,
Зрителей, послѣ жéртвъ-приношéнья всегда подгулявшихъ!
Пусть же выводятъ на сцену насмѣшливыхъ, дерзскихъ сатировъ,
Пусть обращаютъ въ смѣшное предметы и важные даже;
Только—совѣтъ мой: когда — богъ какой представляется тутъ же,
Или герой, передъ тѣмъ появлявшійся въ пурпурѣ, въ златѣ,
То неприлично, чтобъ онъ говорилъ, какъ въ харчевнѣ [36]; но также,
Чтобы онъ, уклоняясь земли, въ облакахъ не терялся!
Такъ! недостоинъ трагедіи стихъ легкомысленной шутки;
Между сатировъ ей стыдно, какъ важной матронѣ, которой
Велено, вмѣстѣ съ другими, участвовать въ праздничной пляскѣ! [37]
Будь я писатель сатиръ—не одни бы простыя рѣченья,
Не одну-бъ я любилъ безукрашенность рѣчи народной; [38]
Но не хотѣлъ бы совсѣмъ и трагедіи краски оставить :
Такъ, чтобъ рѣчь Дава всегда различалась со смѣлою рѣчью
Пиѳіи дерзкой, у Симона хитро талантъ захватившей, [39]
Или съ рѣчами Силена, слуги и пѣстуна Вакха !

Ex noto fictum carmen sequar, ut sibi quivis
Speret idem, sudet multum, frustraque laboret
Ausus idem : tantum series juncturaque pollet ;
Tantum de medio sumtis accedit honoris.
Silvis deducti caveant, me judice, Fauni,
Ne, velut innati triviis ac pene forenses,
Aut nimium teneris juvenentur versibus unquam,
Aut immunda crepent ignominiosaque dicta.
Offenduntur enim, quibus est equus et pater et res ;
Nec, si quid fricti ciceris probat et nucis emtor,
Aequis accipiunt animis donantve corona.
Syllaba longa brevi subjecta vocatur Iambus :
Pes citus : unde etiam Trimetris accrescere jussit
Nomen jambeis, quum senos redderet ictus ;
Primus ad extremum similis sibi : non ita pridem,
Tardior ut paulo graviorque veniret ad aures,
Spondeos stabiles in jura paterna recepit
Commodus et patiens, non ut de sede secunda
Cederet aut quarta socialiter. Hic et in Accî
Nobilibus Trimetris apparet rarus, et Ennî
In scenam missos magno cum pondere versus
Aut operæ celeris nimium curaque carentis,
Aut ignoratæ premit artis crimine turpi.
Non quivis videt immodulata poëmata judex,
Et data Romanis venia est indigna poëtis.
Idcircone vager scribamque licenter ? An omnes
Visuros peccata putem mea, tutus et intra
Spem veniæ cautus, vitavi denique culpam,

Я бы составилъ мой слогъ изъ знакомыхъ для всѣхъ выраженій,
Такъ, чтобы каждому легкимъ сначала онъ могъ показаться;
Но — чтобъ надъ нимъ попотѣлъ подражатель иной! — Такъ приятность
Много зависитъ отъ связи идей; отъ порядка — ихъ сила! [40]
Еслибы я былъ судьею [41], то Фавнъ, убѣжавшій изъ лѣса [42]
Остерегся бы въ нѣжныхъ стихахъ объясняться, какъ щоголь,
Уличный житель, который едва не на рынкѣ родился,
И не смѣлъ бы въ стихахъ повторять непристойныя рѣчи;
Ибо Сенаторъ и Всадникъ, всѣ люди съ достаткомъ и вкусомъ, [43]
Вѣрно въ награду вѣнка не присудятъ — за то, что̀ похвалитъ
Покупатель орѣховъ лѣсныхъ, иль сухаго гороху! [44]
Долгій слогъ за короткимъ — въ стихахъ называется ямбомъ.
Стихъ ямбической быстръ; отъ того онъ и названъ триметромъ,
Даромъ что въ чтеніи онъ представляетъ намъ шесть удареній. [45]
Прежде съ начала стиха до конца — онъ былъ весь одинаковъ;
Послѣ, чтобъ тише для слуха онъ былъ и казался важнѣе,
Ямбъ терпѣливый, отечески, съ важнымъ и тихимъ спондеемъ
Право свое раздѣлилъ; но съ условьемъ такимъ неизмѣннымъ,
Чтобъ вторая съ четвертой стопа — все за нимъ оставались! [46]
Рѣдко у Эннія съ Акціемъ, въ ихъ знаменитыхъ триметрахъ,
Встрѣтишь спондеи! [47] — На сценѣ стихи, полновѣсные ими
Явный укоръ для поэта — въ небрежности, столько постыдной,
Или въ поспѣшности, или въ незнаніи правилъ искуства!
Правда, не всякой въ стихѣ замѣчаетъ ошибку въ паденьи,
Въ чемъ уже лишняя вольность дарована римскимъ поэтамъ!
Но — неужѐли по этому долженъ я быть своевольнымъ
И писать наудачу? — Неу́жели, видя ошибки,
Думать спокойно о нихъ, въ безопасной надеждѣ прощенья?...

Non laudem merui? Vos exemplaria graeca
Nocturna versate manu, versate diurna!
At nostri proavi Plautinos et numeros et
Laudavere sales: nimium patienter utrumque,
Ne dicam stulte, mirati; si modo ego et vos
Scimus inurbanum lepido seponere dicto,
Legitimumque sonum digitis callemus et aure.

Ignotum tragìcæ genus invenisse Camoene —
Dicitur et plaustris vexisse poëmata Thespis,
Quæ canerent agerentque peruncti faecibus ora.
Post hunc personæ pallaeque repertor honestæ
Aeschylus et modicis instravit pulpita tignis,
Et docuit magnumque loqui nitique cothurno.
Successit vetus his comoedia, non sine multa
Laude; sed in vitium libertas excidit et vim
Dignam lege regi: lex est accepta, chorusque
Turpiter obticuit, sublato jure nocendi.

Nil intentantum nostri liquere poetæ,
Nec minimum meruere decus, vestigia graeca
Ausi deserere, et celebrare domestica facta,
Vel qui praetextas, vel qui docuere togatas.
Nec virtute foret clarisve potentius armis,
Quam lingua, Latium, si non offenderet unum -
Quemque poetarum limæ labor et mora. Vos, o
Pompilius sanguis, carmen reprehendite, quod non
Multa dies et multa litura coercuit, atque
Praesectum decies non castigavit ad unguem.

Ingenium misera quia fortunatius arte

Даже и ихъ избѣжавъ, похвалы я еще не достоинъ!
О! день и ночь вы, Пизоны! читайте творенія Грековъ: [48]
Вотъ образцы! — «Но вѣдь предки хвалили-жь стихи и шутливость
Плавта?» — Хвалили и то и другое! — Дивлюсь ихъ терпѣнью;
Чуть не сказалъ я: «ихъ глупости!» — ежели только мы съ вами
Въ силахъ умомъ отличить остроту отъ шутливости грубой,
Если и ухомъ и пальцами вѣрность стиха разбираемъ!
Новый поэзіи родъ, неизвѣстной трагической музы,
Ѳесписъ, какъ всѣ говорятъ, изобрѣлъ, и возилъ на телѣгахъ
Онъ лицедѣевъ своихъ, запачкавшихъ лица дрождями,
И поющихъ стихи; но личинъ и одѣжды приличной
Изобрѣтатель — Эсхилъ, [49] на подмосткахъ театръ свой взмостивши,
Слову высокому ихъ научилъ и ходить на котурнахъ!
Въ слѣдъ за Эсхиломъ явилась комедія старая наша:
Ей былъ не малый въ народѣ успѣхъ; но вскорѣ свобода
Перешла въ своевольство, достойное быть укрощеннымъ:
Принятъ законъ — и въ ней хоръ замолчалъ; и вредить перестала! [50]
Наши поэты, испробовавъ все, честь за то заслужили,
Что оставивши Грековъ слѣды, прославляли родныя дѣянья,
Частію въ важной претекстѣ, великимъ лишь лицамъ приличной,
Частію въ тогѣ простой, гражданина всегдашней одѣждѣ! [51]
Лаціумъ, сильный оружіемъ, былъ бы неменѣе славенъ
И прекраснымъ своимъ языкомъ, [52] когдабъ стихотворцамъ
Не было скучно и трудно опиливать чище работу!
Вы, о Помпилія кровь! [53] Не хвалите поэмы, покуда
Десять разъ изправляя ее, и долгое время,
Авторъ до самыхъ ногтей не довелъ ея совершенства!
Пусть говоритъ Демокритъ, что геній счастливѣй искуства,

Credit et excludit sanos Helicone poëtas
Democritus, bona pars non ungues ponere curat,
Non barbam, secreta petit loca, balnea vitat.
Nanciscetur enim pretium nomenque poëtæ,
Si tribus Anticyris caput insanabile nunquam
Tonsori Licino commiserit. O ego laevus,
Qui purgor bilem sub verni temporis horam !
Non alius faceret meliora poëmata: verum,
Nil tanti est. Ergo fungar vice cotis, acutum
Reddere quæ ferrum valet, exsors ipsa secandi ;
Munus et officium, nil scribens ipse, docebo,
Unde parentur opes, quid alat formetque poetam,
Quid deceat, quid non, quo virtus, quo ferat error.
Scribendi recte sapere est et principium et fons.
Rem tibi Socraticæ poterunt ostendere chartæ,
Verbaque provisam rem non invita sequentur.
Qui didicit, patriæ quid debeat, et quid amicis,
Quo sit amore parens, quo frater amandus, et hospes,
Quod sit conscripti, quod judicis officium, quæ
Partes in bellum missi ducis : ille profecto
Reddere personæ scit convenientia cuique.
Respicere exemplar vitæ morumque jubebo
Doctum imitatorem, et veras hinc ducere voces.
Interdum speciosa locis morataque recte
Fabula, nullius veneris, sine pondere et arte,
Valdius oblectat populum, meliusque moratur,
Quam versus inopes rerum, nugaeque canoræ.
Grajis ingenium, Grajis dedit ore rotundo

Пусть здравоумныхъ поэтовъ сгоняетъ съ высотъ Геликона! [54]
Многіе, вѣря ему, отростили бороду, ногти,
Убѣгаютъ людей, не ходятъ даже и въ баню!
Какъ не достигнуть имъ славы поэтовъ, когда не ввѣряютъ
Никогда своей головы брадобрѣю лицину, [55]
Неизлѣчимой ничѣмъ — ни трехъ Антициръ чемерицей! [56]
О я не смысленный! — Стало, напрасно весенней порою
Я очищаюсь отъ желчи! — Еслибъ не это, всѣхъ лучше
Я бы писалъ; но съ условьемъ такимъ не хочу быть поэтомъ!
Стану же должность оселка я отправлять: онъ не рѣжетъ;
Но за то онъ желѣзо остритъ! — Самъ писать я не буду;
Но открою другимъ чтò творитъ и питаетъ поэта,
Что прилично, что нѣтъ, въ чемъ искуство и въ чемъ заблужденье!
Прежде, чѣмъ станешь писать, научись же порядочно мыслить!
Книги философовъ могутъ тебя въ томъ достойно наставить;
А выраженья за мыслію придутъ ужъ сами собою!
Ежели знаетъ поэтъ, чѣмъ онъ долженъ отечеству, дружбѣ,
Въ чемъ родителей, братьевъ любовь, въ чемъ обязанность къ гостю,
Въ чемъ долгъ Сенатора, должность судьи, и въ военное время
Власть предводителя войскъ: тотъ конечно въ поэмѣ
Каждому можетъ лицу дать приличныя званію рѣчи!
Нравы совѣтую я изучать наблюденіемъ жизни:
Изъ нея почерпать и правдивое ихъ выраженье!
Часто комедія, мѣстности блескомъ и вѣрностью нравовъ,
Хоть и чуждая вкуса, и чуждая силы искуства,
Больше народъ забавляетъ и больше его занимаетъ,
Нежели скудная дѣйствіемъ, звучно блестя пустяками!
Грекамъ муза дала полнозвучное слово и геній,

Musa loqui, præter laudem nullius avaris.
Romani pueri longis rationibus assem
Discunt in partes centum diducere. Dicat,
Filius Albini : si de quincunce remota est
Uncia, quid superat? poterat dixisse : triens. Eu !
Rem poteris servare tuam. Redit uncia : quid fit?
Semis. At haec animos ærugo et cura peculî
Quum semel imbuerit, speramus carmina fingi
Posse linenda cedro et levi servanda cupresso?
Aut prodesse volunt, aut delectare poëtæ,
Aut simul et jucunda et idonea dicere vitæ.
Quidquid præcipies, esto brevis ; ut cito dicta
Percipiant animi dociles teneantque fideles:
Omne supervacuum pleno de pectore manat.
Ficta voluptatis causa sint proxima veris :
Nec quodcumque volet, poscat sibi fabula credi ;
Neu pransæ Lamiæ vivum puerum extrahat alvo.
Centuriæ seniorum agitant expertia frugis ;
Celsi prætereunt austera poëmata Rhamnes :
Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci,
Lectorem delectando pariterque monendo.
Hic meret æra liber Sosiis, hic et mare transit ,
Et longum noto scriptori prorogat ævum.
Sunt delicta tamen, quibus ignovisse velimus :
Nam neque chorda sonum reddit, quem vult manus et mens,
Poscentique gravem persaepe remittit acutum ;
Nec semper feriet quodcumque minabitur arcus.
Verum, ubi plura nitent in carmine, non ego paucis

Имъ, ни къ чему независтливымъ, кромѣ величія славы!
Дѣти же Римлянъ учатся долго, съ трудомъ; но чему же?
На сто частей научаются ассъ раздѣлять безъ ошибки!
« Сынъ Альбина! скажи мнѣ: если мы, взявши пять унцій,
Вычтемъ одну; что останется?» — Третья часть асса! — « прекрасно!
Ну, ты имѣнье свое не разтратишь! — А если прибавимъ
Къ прежнимъ пяти мы одну; что будетъ всего?» — Половина! — [57]
Если, какъ ржавчина, въ умъ заберется корысть; то возможно-ль
Съ нею стиховъ ожидать, въ кипарисѣ храниться достойныхъ? [58]

Нравиться, или учить — цѣль, къ которой стремятся поэты;
Или и то и другое: полезное вмѣстѣ съ пріятнымъ.
Если ты учишь, старайся быть краткимъ, чтобъ разумъ послушный
Тотчасъ понялъ слова и хранилъ бы ихъ въ памяти вѣрно!
Все, что излишно, понятіе наше хранить не умѣетъ!
Если ты что вымышляешь, будь въ вымыслѣ къ истинѣ близокъ:
Требовать вѣры во всемъ — невозможно; нельзя же живаго
Вынуть изъ чрева ребенка, котораго Ламіа съѣла! [59]

Старые люди не любятъ поэмы, когда безполезна;
Гордые всадники — важное все отвергаютъ съ презрѣньемъ!
Всѣхъ голоса съединитъ, кто мѣшаетъ пріятное съ пользой,
Занимая читателя умъ и тогдажь поучая!
Книга такая и Созіямъ деньги приноситъ; [60] и славу,
Долгихъ лѣтъ славу поэту даетъ; и моря преплываетъ!

Есть и такія ошибки, въ которыхъ поэтъ невиновенъ!
И струна невсегда повинуется пальцамъ и слуху;
Часто звукъ острый она издаетъ, какъ требуешь важный;
И изъ лука стрѣла не всегда долетаетъ до цѣли!

Если поэма наполнена многихъ красотъ и блестящихъ,

Offendar maculis, quas aut incuria fudit,
Aut humana parum cavit natura. Quid ergo?
Ut scriptor si peccat idem librarius usque,
Quamvis est monitus, venia caret; ut citharoedus
Ridetur, chorda qui semper oberrat eadem:
Sic mihi, qui multum cessat, fit Choerilus ille,
Quem bis terque bonum cum risu miror; et idem
Indignor, quandoque bonus dormitat Homerus.
Verum opere in longo fas est obrepere somnum.

Ut pictura, poesis: erit quæ, si propius stes,
Te capiet magis; et quædam, si longius abstes:
Haec amat obscurum, volet haec sub luce videri,
Judicis argutum quæ non formidat acumen;
Haec placuit semel, haec decies repetita placebit.

O major juvenum, quamvis et voce paterna
Fingeris ad rectum et per te sapis, hoc tibi dictum
Tolle memor: certis medium et tolerabile rebus
Recte concedi. Consultus juris et actor
Causarum mediocris, abest virtute diserti
Messalæ, nec scit, quantum Cascellius Aulus,
Sed tamen in pretio est: mediocribus esse poëtis
Non homines, non Dî, non concessere columnæ.
Ut gratas inter mensas symphonia discors,
Et crassum unguentum, et Sardo cum melle papaver
Offendunt, poterat duci quia coena sine istis:
Sic animis natum inventumque poëma juvandis,
Si paulum a summo decessit, vergit ad imum.

Ludere qui nescit, campestribus abstinet armis;

То извинительны малыя пятна, которыхъ небрежность,
Или безсилье натуры людской не умѣли избѣгнуть!
Но, какъ не стоитъ прощенья такой переписчикъ, который
Вѣчно привыкъ на письмѣ все къ одной и все къ той же ошибкѣ;
Какъ смѣшонъ музыкантъ, не въ ладу все съ той же струною:
Такъ и небрежный поэтъ — мнѣ покажется тотчасъ Херилломъ; [61]
Встрѣтя хорошее въ немъ, и дивлюсь и смѣюсь! — Но досадно,
Если и добрый нашъ старецъ Гомеръ иногда засыпаетъ!
Впрочемъ, въ столь длинномъ трудѣ иногда не вздремнуть невозможно!
Живопись — такъ и поэзія, сходная съ нею во многомъ,
Часто плѣняютъ вблизи, иногда же въ одномъ отдаленьи. [62]
Эта картина прекрасна въ тѣни; а другая, которой
Острое зрѣнье судьи не вредитъ, превосходна при свѣтѣ.
Эта понравится разъ; а другую разъ десять посмотрятъ!
Старшій изъ братьевъ Пизоновъ! Хоть вѣренъ и вкусъ твой и разумъ,
И хоть голосъ отца для тебя превосходный наставникъ;
Но — я къ тебѣ обращаюсь теперь! Есть предметы, въ которыхъ
Даже посредственность всѣми терпима и можетъ быть сносной!
Такъ юрисконсультъ иной, хотя краснорѣчія силой
Не сравнится съ Мессалой, ни знаньемъ съ Касцеліемъ-Авломъ [63]
Но уважаютъ его! — А поэту ни люди, ни боги,
Даже столбы не прощаютъ посредственность: всѣмъ нестерпима! [64]
Какъ за пріятнымъ обѣдомъ разстроенной музыки звуки,
Запахъ грубыхъ куреній, макъ, смѣшанный съ медомъ сардинскимъ, [65]
Всѣмъ досаждаютъ, за тѣмъ, что обѣдъ и безъ нихъ обошелся бъ:
Такъ и поэзія, лучшихъ и тонкихъ умовъ наслажденье,
Чуть лишь сойдетъ съ высоты, упадаетъ на низкую степень!
Кто не искусенъ въ бою — уклоняется съ Марсова поля;

Indoctusque pilæ discive trochive quiescit,
Ne spissæ risum tollant impune coronæ:
Qui nescit, versus tamen audet fingere. Quidni?
Liber et ingenuus, praesertim census equestrem
Summam nummorum, vitioque remotus ab omni.
Tu nihil invita dices faciesve Minerva;
Id tibi judicium est, ea mens. Si quid tamen olim
Scripseris, in Metii descendat judicis aures,
Et patris et nostras, nonumque prematur in annum,
Membranis intus positis: delere licebit
Quod non edideris: nescit vox missa reverti.

Silvestres homines sacer interpresque deorum
Caedibus et victu foedo deterruit Orpheus;
Dictus ob hoc lenire tigres, rabidosque leones.
Dictus et Amphion, Thebanæ conditor arcis,
Saxa movere sono testudinis, et prece blanda
Ducere quo vellet. Fuit haec sapientia quondam,
Publica privatis secernere, sacra profanis,
Concubitu prohibere vago, dare jura maritis,
Oppida moliri, leges incidere ligno:
Sic honor et nomen divinis vatibus atque
Carminibus venit. Post hos insignis Homerus,
Tyrtaeusque mares animos in Martia bella
Versibus exacuit. Dictæ per carmina sortes,
Et vitæ monstrata via est, et gratia regum
Pieriis tentata modis, ludusque repertus,
Et longorum operum finis: ne forte pudori
Sit tibi Musa lyræ solers et cantor Apollo!

Тотъ, кто ни въ обручь, ни въ мячь, ни въ дискъ — играть неискусенъ
Тотъ не вступаетъ въ игру, чтобъ не подняли зрители хохотъ:
Только несвѣдующій вовсе въ стихахъ — ихъ писать не стыдится!
Чтоже ему не писать! — Онъ свободный, хорошаго рода,
Всадничій онъ капиталъ объявилъ, и во всемъ безъ порока! [66]
Нѣтъ! ты не будь таковымъ! — Не пиши безъ согласья Минервы!
Ты разсудителенъ; знаю! — Когда что напишешь, то прежде
Метія вѣрному слуху долженъ на судъ ты представить, [67]
Или отцу, или мнѣ; и лѣтъ девять хранить безъ показу!
Втайнѣ свой трудъ продержавши, покуда онъ въ свѣтъ не явился,
Много исправишь; а выпустишь слово, назадъ не воротишь! [68]

Нѣкогда древній Орфей, жрецъ боговъ, провозвѣстникъ ихъ воли,
Дикихъ людей отучилъ отъ убійствъ и отъ гнусной ихъ пищи;
Вотъ отъ чего говорятъ, что и львовъ укротилъ онъ, и тигровъ!
Ѳивскія стѣны воздвигъ Амфіонъ: отъ того намъ преданье
Повѣствуетъ о немъ, что онъ лирными звуками камни
Двигалъ съ ихъ мѣста, куда ни хотѣлъ, сладкогласіемъ лиры.
Древняя мудрость въ томъ вся была, чтобъ народное съ частнымъ,
Чтобъ святыню съ мірскимъ различить, дать браку уставы,
Строить грады, на древѣ вырѣзывать людямъ законы!
Отъ того и божественнымъ именемъ чтили поэтовъ,
И пророчествомъ звали ихъ пѣснь! — Въ слѣдъ за ними, позднѣе,
Славный Гомеръ и Тиртей воспламеняли своими стихами
Бранныя души. Оракулы тоже въ стихахъ возвѣщались!
Голосъ Піэридъ — и жизни указывалъ путь, и поэтамъ
Снискивалъ милость царей; и работъ годовыхъ съ окончаньемъ
Пѣснью веселой народъ услаждалъ! — Не стыдитесь отнынѣ
Лиры искусной, и голоса Музъ, и пѣвца Аполлона!

Natura fieret laudabile carmen, an arte,
Quæsitum est. Ego nec studium sine divite vena,
Nec rude quid possit video ingenium; alterius sic
Altera poscit opem res, et conjurat amice.
Qui studet optatam cursu contingere metam,
Multa tulit fecitque puer, sudavit et alsit,
Abstinuit Venere et vino; qui Pythia cantat
Tibicen, didicit prius extimuitque magistrum.
Nunc satis est dixisse: Ego mira poëmata pango;
Occupet extremum scabies; mihi turpe relinqui est,
Et, quod non didici, sane nescire fateri.

Ut præco, ad merces turbam qui cogit emendas,
Assentatores jubet ad lucrum ire poeta
Dives agris, dives positis in foenore nummis.
Si vero est, unctum recte qui ponere possit,
Et spondere levi pro paupere, et eripere atris
Litibus implicitum: mirabor, si sciet inter-
Noscere mendacem verumque beatus amicum.

Tu seu donaris, seu quid donare voles cui,
Nolito ad versus tibi factos ducere plenum
Lætitiæ; clamabit enim: pulchre! bene! recte!
Pallescet super his, etiam stillabit amicis
Ex oculis rorem, saliet, tundet et pede terram.
Ut, qui conducti plorant in funere dicunt
Et faciunt prope plura dolentibus ex animo: sic
Derisor vero plus laudatore movetur.
Reges dicuntur multis urgere culullis
Et torquere mero, quem perspexisse laborant,

Что къ совершенству поэмы способствуетъ больше : натура,
Или искуство? » — Странный вопросъ! — Я не вижу : къ чему-бы
Наше ученіе было безъ дара, и даръ безъ науки? . . ,
Геній природный съ наукой должны быть въ взаимномъ согласьи!
Тотъ, кто стремится достичь на бѣгу желаемой мѣты,
Въ юности много трудовъ перенесъ ; и потѣлъ онъ, и зябнулъ ;
Былъ онъ воздерженъ въ любви и въ винѣ!—Музыкантъ, на Пиѳійскихъ
Играхъ, поющій — тоже учился, наставника слушалъ!
Нынѣ — довольно сказать : « я чудесно стихи сочиняю! »
Всякой хочетъ впередъ! Назади оставаться постыдно ; [69]
Стыдно признаться, что вовсе не знаешь, чему не учился!

Какъ публичный крикунъ скликаетъ толпу на продажу
Разныхъ товаровъ : такъ и поэтъ, богатый землями,
Деньги пускающій въ ростъ, собираетъ льстецовъ и даритъ ихъ!
Но — кто большіе обѣды даетъ, кто ручается въ долгѣ
По бѣднягѣ и мотѣ, которому больше не вѣрятъ,
Или кто плута въ судѣ отъ хлопотъ защититъ : сомнѣваюсь,
Чтобы могъ различить онъ прямаго отъ ложнаго друга!

Если кого ты дарилъ, иль подарокъ кому обѣщаешь,
Слушать свои сочиненья его не зови ; будь увѣренъ,
Что онъ въ радости сердца всегда закричитъ : « безподобно! »
Внѣ себя отъ восторга, онъ вѣрно — то выронитъ слёзу,
То съ восхищенія вскочитъ, то въ землю ударитъ ногою!
Точно наемныя плаксы, обрядъ похоронъ исполняя,
Больше рыдаютъ и вопятъ, чѣмъ тотъ, кто и вправду печаленъ :
Такъ и насмѣшникъ растроганъ! — Не такъ прямодушный цѣнитель!
Говорятъ, что цари принуждаютъ пить многія чаши,
Полныя цѣльнымъ виномъ, какъ скоро хотятъ откровенно

An sit amicitia dignus: si carmina condes,
Numquam te fallant animi sub vulpe latentes.
Quintilio si quid recitares; «corrige, sodes,
Hoc, ajebat, et hoc.» Melius te posse negares,
Bis terque expertum frustra, delere jubebat,
Et male tornatos incudi reddere versus.
Si defendere delictum, quam vertere, malles:
Nullum ultra verbum aut operam insumebat inanem,
Quin sine rivali teque et tua solus amares.
Vir bonus et prudens versus reprehendet inertes,
Culpabit duros, incomtis allinet atrum
Transverso calamo signum, ambitiosa recidet
Ornamenta, parum claris lucem dare coget,
Arguet ambigue dictum, mutanda notabit:
Fiet Aristarchus; nec dicet: «cur ego amicum
Offendam in nugis?» Hae nugae seria ducent
In mala derisum semel exceptumque sinistre.
Ut mala quem scabies aut morbus regius urget,
Aut fanaticus error, et iracunda Diana,
Vesanum tetigisse timent fugiuntque poëtam,
Qui sapiunt; agitant pueri, incautique sequuntur.
Hic dum sublimis versus ructatur et errat
Si veluti merulis intentus decidit auceps
In puteum foveamve; licet, succurrite, longum
Clamet, Io cives! non sit qui tollere curet.
Si quis curet opem ferre, et demittere funem
«Qui scis, an prudens huc se projecerit, atque
Servari nolit?» dicam, Siculique poëtæ,

Вызнать — достоинъ ли дружбы кто ихъ! [70] — Такъ и ты берегися,
Если ты пишешь стихи, льстецовъ подъ наружностью лисьей!

Еслибъ Квинтилію ты ихъ читалъ, [71] онъ сказалъ бы открыто:
« Это и это поправь! » — На отвѣтъ твой, что два иль три раза
Пробовалъ ихъ исправлять, но не сладилъ, онъ скажетъ, что лучше
Ихъ уничтожить совсѣмъ, и поэму всю снова подъ молотъ!
Еслижъ ты болѣе любишь отстаивать споромъ ошибки,
Чѣмъ исправлять ихъ: то словъ понапрасну онъ тратить не станетъ;
Онъ замолчитъ; пусть себя и стихи безъ соперниковъ любишь!

Честный и свѣдущій мужъ откровенно стихъ слабый замѣтитъ;
Жесткій осудитъ; небрежный, перо обмакнувши въ чернила,
Чернымъ отмѣтитъ крестомъ; украшенья пустыя отброситъ;
Видя неясность въ стихѣ, выраженью принудитъ дать ясность;
Встрѣтя двусмысленность, тотчасъ укажетъ что должно исправить.
Какъ прямой Аристархъ, [72] онъ не скажетъ: « за чѣмъ же мнѣ друга
Этой бездѣлицей такъ огорчать? » — А бездѣлицы эти
Послѣ къ насмѣшкамъ ведутъ, къ неприятностямъ болѣе важнымъ!

Но, какъ разумные люди боятся прилипчивой сыпи,
Или желтухи, или лишенныхъ Діаной разсудка, [73]
Бѣгая дальше отъ нихъ: такъ всѣ прочь отъ безумца-поэта!
Лишь мальчишки, гоняясь за нимъ, неразумные, дразнятъ!

Между тѣмъ, какъ надувшись, реветъ онъ стихи, и глазами
Водитъ вокругъ, какъ въ лѣсу птицеловъ, дроздовъ стерегущій,
Если въ то время онъ въ ровъ упадетъ, иль въ колодезь, и кличетъ:
« Ай! помогите, граждане! » — никто не спасай стихотворца!
Еслижъ кто вздумаетъ помощь подать и опуститъ
Сверху веревку ему; я скажу: « ты не знаешь: быть можетъ
Онъ и нарочно упалъ, и не хочетъ оттоль! » — и прибавлю

Narrabo interitum: deus immortalis haberi
Dum cupit Empedocles, ardentem frigidus Aetnam
Insiluit. Sit jus liceatque perire poëtis:
Invitum qui servat, idem facit occidenti;
Nec semel hoc fecit, nec si retractus erit jam,
Fiet homo et ponet famosæ mortis amorem.
Nec satis apparet, cur versus factitet; utrum
Minxerit in patrios cineres, an triste bidental
Moverit incestus: certe furit, ac velut ursus,
Objectos caveæ valuit si frangere clathros,
Indoctum doctumque fugat recitator acerbus.
Quem vero arripuit, tenet, occiditque legendo,
Non missura cutem, nisi plena cruoris, hirudo.

О Эмпедоклѣ разсказъ, Сицилійскомъ поэтѣ, который
Вздумавши въ боги, спрыгнулъ, хладнокровный, въ горящую Этну! [74]
Что намъ поэтовъ свободы лишать — погибагь, какъ угодно!
Противъ воли поэта спасти — все равно, что убійство!
Съ нимъ же вѣль это не въ первый ужъ разъ! — И повѣрь: человѣкомъ
Все онъ не будетъ; все мысль не оставитъ о славной онъ смерти!
Трудно постичь: отъ чего же стихи безпрестанно онъ пишетъ?
Прахъ ли отца оскверниvъ, онъ наказанъ такимъ бѣснованьемъ? [75]
Иль обезчестилъ онъ мѣсто, гдѣ громъ разразился? [76] — но только
Онъ сумасшедшій! — Лишь станетъ читать, и простякъ и ученый
Всѣ убѣгутъ, какъ отъ звѣря свою разломавшаго клѣтку!
Но кого онъ настигнетъ, бѣда! зачитаетъ до смерти!
Точно піявка: пока не напьется полна, не отстанетъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) Ст. 3. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Горація, вмѣсто *ut* turpiter atrum находится *aut* turpiter atrum, что принимаетъ и Санадонъ. Примѣчаніе одного издателя заслуживаетъ вниманіе. « Причина, говоритъ онъ, которая доказываетъ неопровержимо, что *ut* обыкновенныхъ изданій ошибочно и что должно писать *aut*, есть то, что женская голова съ лошадиной шеей и съ тѣломъ, покрытымъ перьями, никогда не представитъ красавицы ». — Дѣйствительно вѣроятно, что Горацій хотѣлъ представить два разные образа : одинъ — человѣческую голову съ тѣломъ, покрытымъ перьями ; а другой — прекрасную женщину, которая оканчивается рыбою. Но во всѣхъ классическихъ изданіяхъ поставлено *ut;* и потому я долженъ былъ слѣдовать въ моемъ переводѣ принятому образу чтенія, хотя эту перемѣну *ut* на *aut* и почитаю основательною. — По той же причинѣ я рѣшился поставить, какъ и прежніе наши переводчики : *женскую* голову, вмѣсто : *человѣческую* голову, что, признаюсь, не умѣщалось и въ стихъ.

2.) Ст. 5. Это взято съ обычая живописцевъ и ваятелей выставлять на показъ свои оконченныя картины и статуи. Они заранѣе объявляли о днѣ выставки. Ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы видѣть первое впечатлѣніе зрителей, узнать мнѣніе публики и воспользоваться имъ для усовершенствованія своихъ произведеній.

3.) Ст. 13. Само собою разумѣется, что слово geminentur я долженъ былъ перевести другимъ терминомъ, черезъ что должна была перемѣниться и идея Горація.

4.) Ст. 21. Люди, которые спаслись отъ кораблекрушенія, выставляли обыкновенно въ храмѣ Нептуна дощечку, на которой было изображено претерпѣнное ими бѣдствіе ; или ходили даже съ такой дощечкой на плечахъ для возбужденія соболѣзнованія. Одинъ схоліастъ говоритъ, что Горацій намекаетъ здѣсь

10

на греческую пословицу, къ которой подалъ поводъ какой-то греческой живописецъ, прекрасно изображавшій кипарисъ. — Когда одинъ мореходецъ, претерпѣвшій кораблекрушеніе, заказывалъ ему написать такую картинку, онъ спросилъ его: «не написать ли тутъ же и кипарисъ?»

5.) Ст. 22. Горшешники, для дѣланія посуды и для полировки ея, употребляютъ колесо.

6.) Ст. 31. У Горація: in vitium ducit culpae fuga. — Vitium сильнѣе, чѣмъ culpa, и поставлено вмѣсто in culpam majorem; почему я и написалъ: «подвергается бо́льшей.»

7.) Ст. 32. Здѣсь говорится объ одномъ ваятелѣ, который жилъ на концѣ цирка, на томъ мѣстѣ, которое называлось *Школой Эмиліевой*. Это было, такъ сказать, названіе урочища, происшедшее отъ того, что *Эмилій Лепидъ* держалъ тутъ школу бойцовъ. Другіе называютъ его *Эмиліемъ Лентуломъ*.

8.) Ст. 49. *Маркъ Корнелій Цетегъ* былъ Консуломъ въ 550 году отъ основанія Рима, во время пунической войны. Горацій, не упоминая его Консульскаго титула, обозначилъ его эпитетомъ cinctutus, *опоясанный*, потому что Консулы, при отправленіи должности своего званія, закидывали на-крестъ двѣ полы своей одежды, на плечахъ и на груди, и потомъ ихъ завязывали. Я не почелъ нужнымъ перевести эпитетъ cinctutus; но тѣмъ не менѣе почитаю нужнымъ представить объясненіе сего обычая.

Жители Габіи, будучи застигнуты неприятелями во время жертвоприношенія и не имѣя времени снять верхнюю длинную одежду, которая была бы имъ помѣхою въ битвѣ, подпоясались ею на-скоро, закинувъ полы на плеча и на грудь, крестъ-на̀-крестъ. Этотъ способъ носить на войнѣ одежду назывался cinctus gabinus; а Консулы и Преторы сохраняли этотъ обычай при отправленіи своей должности.

Консулъ *Цетегъ* былъ человѣкъ ученый. Выраженіе Горація: «*Слово такое найти, чтобъ неслыханно было Цетегамъ*», значитъ: совершенно новое слово, которое не было извѣстно встарину, или не было еще никѣмъ употребляемо.

9.) Ст. 53, 54. *Цецилій* и *Плавтъ* — сочинители комедій. Первый умеръ въ 586, а второй въ 570 году отъ основанія Рима.

10.) Ст. 57. *Энній*—писалъ трагедіи, комедіи, сатиры; онъ же написалъ эпическую поэму: Сципіонъ, и римскія лѣтописи въ стихахъ, въ 18 книгахъ. Съ познаніемъ греческаго языка и греческой литтературы онъ соединялъ совершенное знаніе языка латинскаго и осційскаго, или языка Осковъ. Слогъ его былъ грубъ; объ этомъ упоминаетъ Горацій между прочимъ Кн. 1. въ сатирѣ 10., отдавая ему впрочемъ полную справедливость и приписывая этотъ недостатокъ болѣе его времени. Изъ

сочиненій *Эннія* дошли до насъ только нѣкоторые отрывки. Онъ родился въ Калабріи; умеръ въ 583 году отъ основанія Рима.

Катонъ старшій, или *Ценсоръ*, одинъ изъ величайшихъ людей Рима, написалъ нѣсколько сочиненій объ исторіи и сочиненіе о сельскомъ хозяйствѣ: De re rustica, которое одно сохранилось до нашего времени.

11.) Ст. 59. Здѣсь читаютъ нѣкоторые въ подлинникѣ, вмѣсто nomen — *nummum*. Надобно признаться, что это чтеніе представляетъ образъ болѣе полный, и потому болѣе поэтическій. Тогда можно бы было перевести такъ:

Тоже дозволено намъ, и всегда дозволяемо будетъ,
Вновь выбивая монету, выбить и гербъ современный.

Но такъ какъ это чтеніе: nummum, признано не всѣми, то я и не рѣшился ему слѣдовать, ни въ изданіи подлинника, ни въ переводѣ.

12.) Ст. 62. Это прекрасное сравненіе взято изъ Гомера. Иліады Пѣснь VI. Въ переводѣ Гнѣдича, ст. 146.

Листьямъ въ дубравахъ древесныхъ подобны сыны человѣковъ:
Вѣтеръ одни по землѣ развѣваетъ; другіе дубрава,
Вновь разцвѣтая, раждаетъ; и съ новой весной разцвѣтаютъ.
Такъ человѣки: сіи нараждаются, тѣ погибаютъ!

Для любопытныхъ предлагаю то же мѣсто изъ перевода Кострова:

Мы листвіямъ древесъ подобны бытіемъ.
Одни изъ нихъ падутъ, отъ вѣтра сотрясенны,
Другіе вмѣсто ихъ явятся возрожденны,
Когда весна живитъ подсолнечну собой.
Такъ мы: одинъ умретъ, раждается другой!

13.) Ст. 68. Здѣсь Горацій имѣлъ въ виду *Лукринское* озеро, близь Баіи, которое Августъ соединилъ съ моремъ и превратилъ, посредствомъ крѣпкихъ плотинъ, въ лучшую и безопаснѣйшую пристань Италіи (portus Julius.) Подъ безплодными болотами разумѣетъ поэтъ болота *Помптинскія*, которыя Августъ же высушилъ и сдѣлалъ удобными. А рѣка, получившая новое безопасное теченіе, — это Тибръ, котораго ложе измѣнилъ Агриппа. — Что касается до выраженія Regis opus, то комментаторы вообще согласны, что его должно понимать, какъ бы opus Regium. Горацій не могъ и не смѣлъ сказать въ Римѣ, говоря о дѣлѣ Августа: *дѣло Царя*; но могъ, по великости предпріятія, назвать это *дѣломъ царскимъ*. — Такъ я и старался перевести выраженіе Горація въ этомъ смыслѣ.

14.) Ст. 73. *Пентаметръ*, который, въ соединеніи съ гексаметромъ, составляетъ элегической стихъ древнихъ.

15) Ст. 79. *Архилохъ* — уроженецъ изъ Пароса, жилъ за 663 лѣтъ до Р. Х.

Говорятъ, что Лакедемонецъ *Ликамбъ*, или *Ликамвъ*, обѣщалъ отдать за него въ замужство свою дочь *Неовулу*; но не сдержалъ слова. Раздраженный поэтъ написалъ на него столь жестокую сатиру, что и онъ, и дочь его, повѣсились съ отчаянія. Если это преданіе и сказка, то покрайней мѣрѣ оно свидѣтельствуетъ какое понятіе имѣли древніе о силѣ яростнаго Архилохова ямба. — Горацій, въ посланіи къ Меценату (Кн. 1. Эп. 19 ст. 23.) называетъ ямбы Паросскими, по мѣсту рожденія Архилоха. Говоря о его стихахъ, онъ тоже намекаетъ на смерть *Ликамба*:

Parios ego primus iambos
Ostendi Latios numeros animosque secutus
Archilochi, non res *et* agentia verba Lycamben.

« Я первый указалъ Латинянамъ Паросскіе ямбы, подражая мѣрѣ и движенію Архилоха; но не предмету его сатиръ, ни словамъ, погубившимъ *Ликамба.* »

Далѣе, упоминая о томъ, что Алкей подражалъ стиху Архилоха, но только умягчилъ его, Горацій говоритъ (ст. 30.) и о смерти *Ликамба*:

Nec socerum quaerit, quem versibus oblinat atris;
Nec sponsae laqueum famoso carmine nectit.

« Онъ не чернитъ тестя позорными стихами, не готовитъ ими петли своей невѣстѣ. »

О немъ же встрѣчается Кн. 5. въ Одѣ 6. въ стихѣ 13: Qualis Lycambae infido gener. — Все это удостовѣряетъ, что исторія самоубійства *Ликамба* — была всѣмъ извѣстна и принималась за истинную.

16.) Ст. 80. Soccus и cothurnus. Котурнъ — нѣкоторый родъ высокихъ пурпуровыхъ полусапожковъ, которые употребляли въ комедіяхъ боги и герои. Soccus, socci — нѣкотораго рода низкіе башмаки, которые были присвоены дѣйствующимъ лицамъ въ комедіи. Здѣсь *сокки* и *котурны* употреблены, какъ метонимія, вмѣсто комедіи и трагедіи.

17.) Ст. 91. Вѣроятно, говорятъ нѣкоторые комментаторы, здѣсь мѣтитъ Горацій на произведенія тогдашнихъ поэтовъ, которыя не пережили своихъ сочинителей. — Чтобы избѣжать слова soccus, я въ этомъ стихѣ оставилъ метафору подлинника и рѣшился сказать просто: « для комедіи годнымъ. »

18) Ст. 95. *Хремесъ* — дѣйствующее лице изъ одной комедіи Теренція.

19.) Ст. 97. Два трагическіе предмета изъ героическаго времени Грековъ. *Софоклъ* и *Эврипидъ*, оба писали трагедіи на эти предметы. « Кажется, говоритъ *Виландъ*, Горацій говоритъ здѣсь объ нихъ. » *Дасье* полагаетъ, напротивъ, что здѣсь идетъ рѣчь о двухъ трагедіяхъ *Эврипида*, въ которыхъ оба эти несчастливца, изгнанные изъ своихъ государствъ, являются въ Греціи въ видѣ нищихъ, и о которыхъ извѣстно по Аристофановой комедіи: *Лягушки*. Аристофанъ выводитъ

на сцену поэта Дицеополиса, который для своего *Телефа* выпрашиваетъ у Эврипида всѣ принадлежности нищенскаго костюма. — Выпросивши лохмотья, онъ выпрашиваетъ шапку, потомъ палку, потомъ суму, потомъ чашку съ отбитымъ краемъ, наконецъ проломленный горшокъ. Эврипидъ, которому онъ надоѣлъ уже, отвѣчаетъ: « Любезный другъ! Эдакъ ты, помелочамъ, унесешь у меня всю мою трагедію! »

20.) Ст. 113. На латинскомъ: equites et pedites, « конные и пѣшіе, » т. е. и Всадники и простой народъ, два главныя раздѣленія римскаго народа. Этаго комическаго выраженія, взятаго Гораціемъ у Плавта, нельзя было передать порусски. Если сказать: *и конный и пѣшій*, то пропалобы слово *Всадникъ*, принятое уже въ нашемъ языкѣ, какъ одинъ изъ классовъ римскаго народа. Чтобы сколько нибудь сохранить шутку, я рѣшился сказать: « и всадникъ и пѣшій народъ. »

21.) Ст. 114. Этотъ стихъ Горація, разными издателями и толкователями, и пишется и толкуется различно, такъ что я былъ въ затрудненіи выбора. Иные пишутъ: Davusne an heros, какъ перевелъ и я. Другіе, напр. *Дасье*: divusne an heros, говоря, что здѣсь Горацій говоритъ о трагедіи, слѣдовательно не къ чему ему было упоминать о *Давѣ*, рабѣ, который могъ быть только въ комедіи; и что Горацій говоритъ здѣсь о различіи характера боговъ и героевъ. — Иные принимаютъ: Davusne an Eros — имя честнаго слуги въ комедіи Менандра, въ противоположность *Даву*, который всегда представлялъ роль плута. Иные — Davusne an Iros, и проч.

22.) Ст. 124. Io vaga — я не могъ передать иначе, какъ словомъ: *скиталица*, хотя vaga значитъ и скитающаяся, бродящая, блуждающая, и разтерянная. *Io*, превращенная Юнoною въ корову, и бѣгавшая повсюду, не зная покоя, была конечно и то и другое.

23.) Ст. 129. Не ручаюсь нашелъ ли я точное выраженіе для мысли Горація: Difficile est proprie communia dicere. Мнѣ хотѣлось, чтобъ выраженіе перевода было, такъ сказать, истолкованіемъ мысли поэта. Сколько я ни сличалъ иностранныхъ переводовъ, всѣ въ этомъ мѣстѣ между собою несогласны. Одни понимаютъ его такъ, что трудно *выдуманному поэтомъ лицу дать характерную личность*. Другіе, что *трудно отличиться вымысломъ въ вещахъ обыкновенныхъ*. Третьи, что *трудно воспользоваться такимъ предметомъ поэзіи, который сдѣлался всѣмъ общимъ*. Однимъ словомъ: всѣ, и переводятъ, и объясняютъ это мѣсто — различно.

24.) Ст. 136. Слово *Циклической* происходитъ отъ греческаго слова, означающаго *кругъ*. Но что разумѣетъ здѣсь Горацій подъ именемъ *циклическаго поэта*, въ этомъ толкователи несогласны.

Дасье полагаетъ, что *циклическими поэтами* назывались тѣ, которые не знали искуства располагать поэму такъ, чтобы всѣ ея разнообразныя происшествія относились къ одному дѣйствію, но писали въ исторической послѣдовательности происшествій, какъ они выходятъ естественно одно изъ другаго. — Онъ думаетъ, что слово *циклическая поэзія* означаетъ тоже, что у Горація, (Кн. 1. ода 7.) и у Овидія, (въ началѣ Метаморфозъ,): perpetuum carmen; ибо у Овидія отъ первой басни происходитъ вторая, отъ второй третья, и т. д.

Виландъ говоритъ, что вѣроятнѣе всего *поэтической циклъ* заключалъ въ себѣ все время боговъ и героевъ, и что *циклическими поэтами* назывались тѣ стихотворцы, которые всѣ эти басни соединяли въ одно сочиненіе, въ одну поэму. Древніе схоліасты упоминаютъ, что одинъ изъ такихъ циклическихъ стихотворцевъ былъ *Антимахъ;* что онъ написалъ сочиненіе, состоящее изъ 24 книгъ, и все еще не дошелъ до извѣстныхъ *семи вождей подъ Ѳивами.*

Бартелеми называетъ *эпическимъ цикломъ* сборникъ происшествій, описанныхъ Гомеромъ; сборникъ, въ которомъ разные писатели соединили древнія сказанія Грековъ.

Габерфельдъ, писавшій послѣ всѣхъ ихъ, объясняетъ, кажется, всѣхъ удовлетворительнѣе. «Греки, говоритъ онъ, называли *миѳическимъ*, или *эпическимъ цикломъ* всю послѣдовательность важныхъ происшествій, отъ происхожденія міра и боговъ до временъ историческихъ. *Миѳическимъ* называли они его потому, что всѣ миѳы заключались въ этомъ пространствѣ времени; а *эпическимъ*, потому что послѣ Гомера всѣ эпическіе поэты брали предметъ своихъ поэмъ изъ этаго времени. Кромѣ того упоминается еще о *Троянскомъ циклѣ*, который содержалъ въ себѣ всѣ басни, относящіяся до войны Троянской, обработанныя поэтами въ гексаметрахъ. Какъ происшествія слѣдовали одни за другими, въ извѣстномъ порядкѣ времени, такъ въ соотвѣтствующемъ тому порядкѣ считались и поэты, и составляли непрерывный рядъ, который соотвѣтствовалъ циклу эпическому и самъ назывался эпическимъ цикломъ. Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, *эпическіе* и *циклическіе* поэты Грековъ — одно и тоже.»

25.) Ст. 143. *Онъ*, т. е. Гомеръ.

26.) Ст. 145. *Антифатъ* — людоѣдъ, царь людоѣдовъ Лестригоновъ. См. Одиссею, пѣснь 10.

27.) Ст. 146. Относится къ стихотворцу *Антимаху*, написавшему поэму о Діомедѣ, которую онъ начинаетъ со смерти Мелеагра, дяди своего героя.

28.) Ст. 147. *Лесхесъ*, авторъ *Малой Иліады*, начинаетъ свою поэму съ двухъ яицъ Леды, изъ которыхъ въ одномъ были Елена и Клитемнестра, а въ другомъ Касторъ и Поллуксъ.

29.) Ст. 155. У Горація: cantor, что нѣкоторыми принимается литтерально за пѣвца, другими — за хоръ: почему я избѣжалъ въ моемъ переводѣ этаго слова. *Дасье* приводитъ слѣдующее свидѣтельство, откуда, незнаю: Tunc est commovedandum theatrum cum ventum ad ipsum illud quo veteres Comoedie, Tragoediaeque clauduntur: Plaudite! т. е. «надобно особенно растрогать зрителей, когда приближаешься къ послѣднему слову: » Плещите руками», которымъ оканчиваются древнія комедіи и трагедіи.» — Замѣтимъ кстати, что этими же словами, только сказанными погречески, Императоръ Августъ кончилъ драму своей жизни. Suet. Aug. 99.

30.) Ст. 158 — 175. Этому мѣсту подражалъ Буало въ 3 пѣсни своего Ars poëtique. Вотъ оно для сравненія:

Le temps qui change tout, change aussi nos humeurs!
Chaque âge a ses plaisirs, son esprit et ses mœurs.
Un jeune homme toujours bouillant dans ses caprices
Est prompt à recevoir l'impression des vices;
Est vain dans ses discours, volage en ses desirs,
Rétif à la censure, et fou dans les plaisirs.
L'âge viril, plus mûr, inspire un air plus sage,
Se pousse auprès des grands, s'intrigue, se ménage,
Contre les coups du sort songe à se maintenir,
Et loin dans le présent regarde l'avenir.
La vieillesse chagrine incessament amasse;
Garde, non pas pour soi, les trésors qu'elle entasse;
Marche en tous ses desseins d'un pas lent et glacé;
Toujours plaint le présent et vante le passé;
Inhabile aux plaisirs dont la jeunesse abuse
Blâme en eux les douceurs que l'âge lui refuse.

31.) Ст. 162. Въ подлинникѣ: et apricі gramine campi; что я очень легко могъ бы перевести такъ: «и подъ солнцемъ зеленое поле.» — Но мнѣ казалось, что я нисколько не погрѣшу противъ вѣрности перевода, если иногда самый переводъ будетъ содержать и объясненіе: ибо здѣсь, подъ зеленымъ полемъ, озареннымъ солнцемъ, разумѣются вообще гимнастическія игры, которыя происходили особенно на полѣ Марсовомъ.

32.) Ст. 203. Флейта имѣла спачала только четыре лада. *Антигенидъ* Ѳивскій, учившій Алкивіада играть на флейтѣ, умножилъ число ихъ. Вѣроятно Театръ Аѳинскій, на которомъ флейта сопровождала хоры, воспользовался ея усовершенствованіемъ, изобрѣтеннымъ этимъ музыкантомъ.

33.) Ст. 216. Лира имѣла сначала три или четыре струны. *Терпандръ*, зна-

менитый древній музыкантъ, умножилъ ихъ до семи; а *Тимоѳей*, жившій во время Платона, до десяти.

34.) Ст. 219. Sortilegis Delphis. Нѣкоторые комментаторы прибавляютъ къ этому въ объясненіе: ubi oracula sorte legebantur. Въ Дельфахъ произносились иногда оракулы посредствомъ жеребья; бросали въ урну нѣсколько сентенцій и вынимали изъ нихъ одну наудачу. Если такъ, то это насмѣшка надъ поэтами, любителями сентенцій.

35.) Ст. 221. Греки и Римляне любили шутливыя представленія, которыя давались послѣ драмъ важнаго содержанія, и въ которыхъ упражнялись даже великіе поэты. *Циклопъ* Эврипида есть единственная піеса этаго рода, дошедшая до насъ.

36.) Ст. 229. Какъ напримѣръ Улиссъ въ Эврипидовомъ Циклопѣ.

37.) Ст. 233. Въ праздники, которые давались въ честь боговъ, избирались для пляски обыкновенно молодыя дѣвицы. Но были торжества, въ которыя назначалось плясать замужнимъ женщинамъ, на прим. въ праздникъ великой богини, т. е. Юноны. Ихъ избирали сами священники, и *приказывали* имъ участвовать въ пляскѣ. По этому Горацій и употребилъ здѣсь слово jussa, которое я перевелъ словомъ: *велѣно*. Горацій хочетъ сказать этимъ сравненіемъ, что трагедія должна подражать въ благопристойности цѣломудренной женщинѣ, которой пляска не составляетъ ремесла; но которая участвуетъ въ ней изъ повиновенія обычаю и богослужебному обряду.

38.) Ст. 235. Горацій говоритъ здѣсь условно: «еслибъ я писалъ сатиры», хотя всѣ его сатиры писаны *прежде* посланія къ Пизонамъ. Но должно вспомнить, что здѣсь говорится о драматическихъ представленіяхъ, называвшихся *сатирою,* и заимствованныхъ отъ Грековъ; а не о томъ родѣ поэзіи, который мы называемъ нынѣ сатирою. Эти сатиры, принадлежащіе къ роду дидактическому, назывались sermones, *разговоры*, *бесѣды*. Покрайней мѣрѣ такъ называлъ свои сатиры самъ Горацій. — Здѣсь надобно понимать его слова такъ: «еслибы я писалъ для театра драматическія сатиры.» — Nomina dominantia я перевелъ: *простыя рѣченья*. Dominantia nomina, говоритъ Санадонъ, значитъ: communia, vulgaria, praesenti usu invalescentia. *Дасье* противополагаетъ ихъ фигуральнымъ выраженіямъ, которыя имѣютъ смыслъ переносный и заимствованный отъ другихъ; а простыя только ихъ собственное значеніе.

39.) Ст. 237, 238. *Давъ* и *Питія* — два простонародныя лица, обыкновенно встрѣчающіяся въ римскихъ комедіяхъ. *Давъ* имя слуги въ комедіяхъ Менандра и Теренція. *Питія* — служанка, въ одной комедіи Луциллія, крадетъ деньги у старика Симона. — Надобно замѣтить, что Горацій употребляетъ здѣсь довольно низ-

кое слово: emungere, которое можно бы перевести словомъ: *выманить;* или даже простонароднымъ выраженіемъ: *подтибрить.* Но первое слово было бы слабо; а на второе я не рѣшился, почитая его не всѣмъ извѣстнымъ, хотя оно и помѣщено въ словарѣ Академіи.

40.) Ст. 240 — 243. Это мѣсто довольно затруднительно для перевода. Нѣкоторые относятъ слово carmen къ *слогу*, другіе къ *предмету*. Я принимаю первое, потому что въ предыдущихъ стихахъ говорится о языкѣ. Но для тѣхъ, которые принимаютъ послѣднее, прилагаю эти же четыре стиха въ другомъ переводѣ:

Я бы составилъ поэму, взявши предметъ, всѣмъ знакомый,
Такъ, чтобы каждому легкимъ сначала онъ могъ показаться;
Но—чтобъ надъ нимъ попотѣлъ подражатель иной!—Такъ отъ связи,
Такъ отъ порядка зависитъ почетъ — и простаго предмета!

41.) Ст. 244. *Цензоры*, которые разсматривали драматическія сочиненія, отдаваемыя авторами на театръ. Они собирались въ храмѣ Аполлона Палатинскаго.

42.) Ст. 244. Фавны и сатиры у Горація смѣшены, хотя ихъ различіе извѣстно. — Римскіе фавны были тоже, что греческіе сатиры; но первые имѣли въ своей наружности больше человѣческаго, характеръ ихъ имѣлъ болѣе сельской простоты, свойства же ихъ приближались къ пастушескимъ нравамъ. Сатиры изображались почти всегда безобразными; а фавны иногда съ юношескою, почти женскою красотою, только съ лицемъ, нѣсколько обрюзглымъ отъ вина.

43.) Ст. 248. Ближе было бы къ подлиннику перевести такъ:

«*Ибо всѣ тѣ, у кого есть и конь, и отецъ, и имѣнье.*»

Это значитъ: всадники, патриціи и богатые люди. — «Кто не понимаетъ, говоритъ Виландъ, комизмъ этаго выраженія Горація, тому нечего и объяснять.» Потому-то я и перевелъ его иначе, т. е. не литтерально, что для многихъ было бы оно непонятно.

44.) Ст. 250. «Покупатель орѣховъ лѣсныхъ и сухаго гороху.» — Fricti ciceris et nucis emptor.» Такъ, говоритъ Дезобри, (Siècle d'Aug.) знатные Римляне называли, въ своей гордости, плебеевъ.»

45.) Ст. 253. Потому что въ этомъ родѣ стиховъ двѣ стопы считались за одну, которая называлась *Dipodia.* По счету стопъ ямбическій шестистопный стихъ долженъ бы былъ называться *гексаметромъ;* но ему дали другое названіе единственно для того, чтобы различить его съ Гомеровскимъ, героическимъ гексаметромъ, состоящимъ у древнихъ, какъ извѣстно, изъ дактилей и спондеевъ.

46.) Ст. 253. Ямбическій *триметръ* древнихъ состоитъ изъ трехъ *диподій*, изъ которыхъ первая и вторая составляютъ такое сочетаніе слоговъ: ῡ — ᴗ —, а третья, напр. у Софокла: ῡ — ῡ —. Но стихъ изъ чистыхъ ямбовъ у Грековъ почти невозможенъ, какъ и у насъ. Да у насъ онъ былъ бы и грубъ, и неблагозвученъ, еслибы не соединялся *всегда* съ пиррихіями. Переводить греческихъ трагиковъ у насъ иначе недолжно, какъ шестистопными ямбами, которые ближе всего соотвѣтствуютъ триметру; но переводить ихъ пятистопными стихами значитъ ихъ онѣмечить. Нѣмцы приняли для трагедіи пятистопный стихъ, такъ сказать, поневолѣ: потому что у нихъ много чистыхъ ямбовъ, отъ чего шестистопный, при равномъ раздѣленіи цезурою, дѣлается грубъ и однообразенъ. У насъ напротивъ не имѣетъ правильной гармоніи стихъ пятистопный, по причинѣ перехода цезуры съ одного мѣста на другое. Онъ хорошъ только у великихъ мастеровъ стиха, каковы Жуковской и Пушкинъ.

Здѣсь кстати замѣтить разницу *въ самомъ основаніи* просодіи *древнихъ и нашей*. Она состоитъ въ томъ, что у древнихъ господствовалъ слогъ *долгой*, а у насъ, по свойству нашего языка, господствуетъ *короткой;* что замѣтно даже въ простомъ разговорѣ: мы безпрестанно сокращаемъ слоги. Отъ этаго свойства въ нашемъ гексаметрѣ древній *спондей* замѣняется *хореемъ*, который въ многосложныхъ словахъ, такъ какъ и ямбъ, уступаетъ мѣсто даже пиррихію; чего нѣтъ у древнихъ: у нихъ, напротивъ, короткой слогъ иногда превращается въ долгой. Послѣ этаго можно ли переводить оды Горація размѣромъ подлинника, когда у насъ не можетъ быть сряду двухъ слоговъ долгихъ! — Что выходитъ для слуха изъ этой искуственной натяжки метра? — Непремѣнно смѣшеніе звуковъ, потому что естественный выговоръ языка перемѣнить невозможно, точно также, какъ невозможно написать порусски — Французское *N* nasale, или англійское the.

47.) Ст. 259. *Акцій* — трагическій поэтъ, умершій въ 650 году отъ основанія Рима.

48.) Ст. 269. Объясненіе этаго находится у самаго Горація, ст. 322 и 323. — Въ моемъ переводѣ ст. 323 и 324.

49.) Ст. 275 — 279. *Ѳесписъ* — жилъ около 233 года; Эсхилъ умеръ въ 279 году отъ основ. Рима.

50.) Ст. 284. *Древняя комедія* Грековъ упала въ Аѳинахъ вмѣстѣ съ демократіею. Законъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь Горацій, изданъ былъ не народомъ, а такъ называемыми тридцатью тиранами, которые, въ концѣ 93 олимпіады, съ помощію Спартанца Лизандра, захватили правленіе въ Аѳинахъ. *Средняя комедія*, заступившая ея мѣсто, сохраняла еще тѣнь прежняго своего права, посредствомъ пародій, которыми поэты насмѣхались другъ надъ другомъ, или представляли въ извращенномъ видѣ героевъ баснословнаго времени и Иліады. Нако-

нецъ, во время Царей Македонскихъ, мало по малу, произошла *новая комедія*, въ которой прославились *Менандръ* и *Филемонъ*. Она состояла уже изъ интриги, и оставивъ личности и пародіи, ограничивалась одними *общими характерами*, т. е. порицаніемъ господствующихъ нравовъ и модныхъ обычаевъ, такъ что никто лично не могъ уже этимъ оскорбляться.

51.) Ст. 288. Горацій, чтобы сказать что нибудь въ похвалу Римскихъ драматическихъ поэтовъ, хвалитъ здѣсь *патріотизмъ* Лелія Ламіи, Афранія, Помпонія, и другихъ, которые ввели на сценѣ Praetextatas и Togatas, т. е. трагедіи и комедіи, въ которыхъ дѣйствовали римскія лица, а не Греки.

52.) Ст. 290. Подъ словомъ lingua вѣроятно понимаетъ здѣсь Горацій вообще литтературу; ибо у римскихъ писателей слово: языкъ, часто употребляется, какъ синонимъ слову: литтература.

53.) Ст. 292. «Вы, о Помпилія кровь!» — Фамилія Кальпурніевъ производила свой родъ отъ *Кальпа* (Calpus), сына Царя *Нумы Помпилія*, какъ свидѣтельствуютъ Плутархъ, и др.; хотя, по свидѣтельству иныхъ историковъ, у Нумы Помпилія была только одна дочь. Покрайней мѣрѣ преданіе было въ пользу Кальпурніевъ.

54.) Ст. 296. *Демокритъ* утверждалъ, что никто не можетъ быть великимъ поэтомъ безъ нѣкотораго неистовства, или умоизступленія. Neminem sine furore quemquam poëtam magnum esse posse. Такъ приводитъ его мысль Цицеронъ (De divinat. L. 1 c. 37) и прибавляетъ къ этому: «Тоже утверждаетъ и Платонъ. Но пусть называетъ онъ неистовствомъ вдохновеніе, творящее поэтовъ, если объ этомъ неистовствѣ предлагаетъ онъ столь высокія мысли, какъ въ своемъ Федрѣ.» — То мѣсто Платона, на которое указываетъ здѣсь Цицеронъ, заслуживаетъ быть приведеннымъ. Вотъ оно: «Третій родъ неистовства, (говоритъ Сократъ,) есть то, которое производится музами. — Это неистовство, если оно объемлетъ душу неиспорченную и непритворную, побуждаетъ ее въ нѣкоторомъ родѣ вакхическаго упоенія, украшать въ своихъ пѣснопѣніяхъ чудеса и подвиги временъ древнихъ, и тѣмъ поучать времена будущія. Но кто, не будучи возбужденъ этимъ изступленіемъ, посылаемымъ музами, приближается къ вратамъ поэзіи, въ томъ мнѣніи, что одно искуство можетъ сдѣлать его поэтомъ: тотъ никогда не достигнетъ совершенства, и поэзія такого трезваго и благоразумнаго поэта померкнетъ при поэзіи поэта изступленнаго.»

55.) Ст. 300. Черта Аристофановская! — Юлій Цезарь принялъ въ Сенатъ нѣкотораго брадобрѣя *Лицина*, потому только, что онъ былъ ревностный противникъ Помпея. Лицинъ былъ столь богатъ, что обязалъ своего наслѣдника поставить ему надгробный памятникъ изъ мрамора; что подало поводъ одному стихотворцу къ слѣдующей надписи:

Marmoreo tumulo Licinus jacet, et Cato nullo,
Pompejus parvo! Quis credat esse deos!

Въ мраморномъ гробѣ Лицинъ; у Катона нѣтъ никакого;
Въ бѣдномъ Помпей положенъ: есть ли же боги, иль нѣтъ!

56.) Ст. 301. *Антицира* — имя *острова* на Эгейскомъ морѣ, и имя *города*, бывшаго въ Фокидѣ, на берегу Коринѳскаго залива. По свидѣтельству Страбона (кн. 9.) около этаго города росла отличная *чемерица*, которую употребляли для излеченія отъ сумасшествія. Плиній описываетъ даже и способъ приготовленія этаго лекарства. (Кн. 22. гл. 25.) Но, по мнѣнію большей части комментаторовъ, Горацій говоритъ здѣсь объ *островѣ* Антицирѣ, на которомъ тоже росла во множествѣ чемерица и употреблялась для того же. Чтобы усилить понятіе о безуміи нѣкоторыхъ поэтовъ, Горацій хочетъ сказать этими словами («неизлечимой ни чѣмъ, ни трехъ Антициръ чемерицей»), что еслибы были три такіе острова съ чемерицей, и собрать ее со всѣхъ трехъ: то и тогда не излечили бы отъ этаго безумія.

57.) Ст. 330. Вотъ объясненіе этой задачи. Римской *ассъ* содержалъ въ себѣ фунтъ мѣди, или 12 *унцій*, (что и донынѣ осталось у насъ въ аптекарскомъ вѣсѣ.) И потому, если изъ 5 унцій вычесть одну, то останется 4, или *третья часть асса*. А если къ 5 унціямъ прибавить одну, то будетъ 6 унцій, что составляетъ *половину асса*. — Такимъ образомъ *ассъ* раздѣлялся на 12 частей, съ дальнѣйшими подраздѣленіями, которыя однако никогда не доходили до круглыхъ сотенъ и не разрѣшались въ десятичныя числа. Почему же Горацій говоритъ: «учатся дѣлить *ассъ* на 100 частей?» — Санадонъ полагаетъ, что поэтъ хотѣлъ выразить этими словами самое тончайшее и мѣлочное, самое запутанное раздѣленіе *асса*. — Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что дѣленіе, напр. нашего рубля, на сто, какъ основанное на десятичныхъ числахъ, не представляетъ большаго затрудненія ученику, и не можетъ быть представлено въ примѣръ его тонкаго знанія ариѳметики.

58.) Ст. 332. Въ подлинникѣ: linenda cedro, et levi servanda cupresso; «натертые кедровымъ масломъ и сохраняемые въ полированномъ кипарисѣ.» — Древніе натирали книги кедровымъ масломъ и хранили ихъ въ кипарисныхъ ковчегахъ, для того, что оба эти дерева неподвержены скорой гнилости. — Перевести это слово въ слово было бы непонятно.

Замѣчательно это мѣсто Горація о корыстномъ направленіи вѣка, которое онъ называетъ ржавчиною, поѣдающею все доброе и изящное.

59.) Ст. 340 Lamies — души умершихъ, привидѣнія, или демоны, которые принимали на себя образъ прекрасныхъ женщинъ и пожирали младенцевъ. — По инымъ комментаторамъ — въ Ливіи была царица *Ламіа*, которая тоже пожирала

живыхъ дѣтей. Римляне превратили ее въ волшебницу, или дикую женщину, (une ogresse,) которая изображалась съ ослиными ногами и тоже пожирала живыхъ младенцевъ.

60.) Ст. 345. Братья *Созіи* были въ Римѣ знаменитые книгопродавцы во время Горація.

61.) Ст. 357. « Имя *Херила* (говоритъ Дасье) было несчастливо въ поэзіи!»— Изъ трехъ поэтовъ этаго имени не было ни одного, котораго пережили бы его слава и его сочиненія. Но за то тѣмъ счастливѣе они были во время своей жизни.

Одинъ изъ нихъ: *Херилъ Самосской*, былъ современникъ Геродота и написалъ поэму на побѣду Аѳинянъ надъ Ксерксомъ, за которую побѣдители выдали ему изъ народнаго казнохранилища по статиру за каждый стихъ.

Другаго *Херила* спартанской полководецъ Лизандръ бралъ съ собою въ свои походы, и платилъ ему деньги — за то, (говоритъ Виландъ, послѣдуя Плутарху,) чтобы онъ изъ его исторіи сдѣлалъ басню.

Третій *Херилъ*, (о которомъ говоритъ Горацій въ Эпистолѣ къ Августу,) служилъ въ такой же должности у Александра великаго. Грамматикъ *Акронъ* разсказываетъ, что Александръ сдѣлалъ съ нимъ условіе награждать его за каждый хорошій стихъ золотою монетою, а за каждый дурной давать ему пощечину. Херилъ, который былъ о себѣ хорошаго мнѣнія, думалъ обогатиться. Но, по окончаніи его творенія, въ немъ оказалось хорошихъ стиховъ очень мало, за которые онъ и получилъ награду золотомъ ; а дурныхъ нашлось столь много, что онъ, не дойдя еще до конца чтенія, кончилъ жизнь, получая за нихъ награды другаго рода. — Древніе были охотники до подобныхъ сказокъ. Исторической критики не было : записывали и разсказы, и слухи. — Тѣмъ не менѣе видно, что неуваженіе Горація *къ этому* Херилу, (ибо здѣсь говорится объ немъ,) было основано на общемъ преданіи. Къ этому можно прибавить — тоже преданіе древности, будто Александръ говорилъ, что онъ хотѣлъ бы быть лучше Терситомъ Гомера, чѣмъ Ахиллесомъ Херила.

62.) Ст. 361, 362. Ut pictura poesis : erit, etc. — Многія изрѣченія Горація принимаются за апоѳегмы ; между тѣмъ, какъ въ общей связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, получаютъ другой смыслъ, иногда совсѣмъ противоположный. Точно тоже можно сказать и объ этомъ мѣстѣ Горація. То, что у него не больше, какъ сравненіе, сдѣлали общимъ правиломъ. Нѣкоторые писатели теоріи, напр. Le Batteux, называли даже живопись нѣмою поэзіею, а поэзію говорящею живописью. Здѣсь, подъ именемъ *живописи*, вѣроятно, Горацій разумѣетъ *картину*, а подъ именемъ *поэзіи* — *поэму*. Какъ въ картинахъ — одна нравится съ перваго взгляда и производитъ эффектъ общій, но теряетъ при ближайшемъ раз-

смотрѣнія подробностей, такъ и поэма. Самъ Горацій въ послѣдующихъ стихахъ объясняетъ свое сравненіе.

63.) Ст. 371. *Мессала Корвинъ,* — тотъ же, къ которому относится ода Горація: O nata mecum, (кн. 3. Ода 21.). Сынъ одного изъ первыхъ ораторовъ Рима, онъ былъ и самъ знаменитый ораторъ и воинъ, (Cic. Ep. 15. Ad. Brutum.)

Касцелій Авлъ, римской всадникъ, одинъ изъ великихъ юриспрудентовъ своего времени; человѣкъ ученый, краснорѣчивый и остроумный. Макробій приводитъ нѣсколько острыхъ словъ, имъ сказанныхъ. — Напримѣръ — нѣкто спросилъ его: «яблоко-ли сосновая шишка?» — Онъ отвѣчалъ: «Конечно яблоко, ежели ты ее бросишь въ Ватинія!» — Онъ былъ человѣкъ стойкій и твердаго характера. Тріумвиры, Лепидъ, Антоній и Августъ, никакъ не могли ему воспрепятствовать явно возставать противъ ихъ дѣйствій и осуждать ихъ. Друзья Касцелія, опасаясь за его жизнь, какъ ни старались удержать его, но не могли принудить къ молчанію. Онъ отвѣчалъ имъ, что «при его старости и бездѣтности ему нечего бояться и нечего беречь себя!» — Тѣмъ болѣе славы для Августа, что поэтъ, которому онъ покровительствовалъ, могъ упоминать при немъ съ похвалою о республиканцѣ, который явно противился его власти.

64.) Ст. 373. Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь говорится о колоннахъ, къ которымъ поэты прибивали объявленія о днѣ и мѣстѣ ихъ публичныхъ чтеній. Но гораздо вѣроятнѣе, что Горацій говоритъ объ объявленіяхъ книгопродавцевъ, которыя выставлялись тоже на колоннахъ. То, что здѣсь названо columna, въ другомъ мѣстѣ (сат. 4) поэтъ называетъ pila; почему я и здѣсь перевелъ словомъ: столбы.

У Римлянъ объявленія вообще прибивались къ колоннамъ. Это видно изъ одной Элегіи Проперція, который, потерявши свои таблички, говоритъ слугѣ: «Поди скорѣе, объяви на какой нибудь колоннѣ, что я дамъ столько-то за возвращеніе мнѣ моихъ табличекъ, и что твой господинъ живетъ на холмѣ Эсквилійскомъ.»

I, puer, et citus haec aliqua propone columna,
Et dominum Esquiliis scribe habitare tuum.

65.) Ст. 375. Сардинской медъ, по причинѣ горькаго вкуса, почитался дурнымъ. Онъ получалъ этотъ вкусъ отъ тисоваго дерева (taxus) и горькихъ травъ, которыя росли тамъ во множествѣ, и съ которыхъ пчелы собирали медъ.

66.) Ст. 384. Всадникъ долженъ былъ объявить капиталъ въ 400 большихъ сестерцій, т. е. въ четыреста тысячь сестерцій, чтобы принадлежать къ этому званію.

67.) Ст. 387. *Спурій Метій Тарпа.* Одинъ изъ пяти судей литтературы,

(по нашему : цензоровъ,) которые были учреждены для разсмотрѣнія драматическихъ сочиненій до отдачи ихъ на театръ. Объ немъ же, подъ именемъ *Тарпы*, упоминаетъ Горацій въ 10 сатирѣ 1-й книги.

68.) Ст. 390. Nescit vox missa reverti. Та же благоразумная мысль находится у Горація въ посланіи къ Лоллію, (кн. 1. Эп. 18. ст. 70.) но выраженная другимъ образомъ :

Et semel emissum volat irrevocabile verbum.

69.) Ст. 417. « Назади оставаться постыдно ! » — Въ подлинникѣ: Occupet extremum scabies. « Къ послѣднему, или къ заднему, пристаютъ шолуди. » — Пословица, или поговорка, которую употребляли дѣти въ играхъ, напр. бѣгая въ запуски.

70.) Ст. 436. Виландъ замѣчаетъ при этомъ, что Луцій Пизонъ самъ прошелъ черезъ подобное испытаніе виномъ, которому подвергали его Августъ и Тиберій ; но что выдержавъ опытъ, онъ заслужилъ полную ихъ довѣренность, къ чему способствовали конечно и способности его къ дѣламъ. Тиберій, по свидѣтельству Светонія, употреблялъ этотъ способъ не съ однимъ имъ, но и съ Помпоніемъ Флаккомъ, и столь долго, что они должны были пировать у него два дня и одну ночь. Непосредственно за этимъ онъ сдѣлалъ Флакка Проконсуломъ Сиріи, а Пизона Префектомъ города Рима. (Suet. Vita Tiberii. 4.) — Габерфельдъ, неизвѣстно почему, почитаетъ замѣчаніе Виланда, въ отношеніи къ Августу, недостовѣрнымъ, хотя и о томъ и о другомъ оно основано на свидѣтельствѣ того же Светонія.

71.) Ст. 438. *Квинтилій Варъ* — поэтъ и другъ Виргилія и Горація. Къ нему написана Гораціемъ 18 ода 1-й кн.; его же хвалитъ онъ въ одѣ на его кончину, надписанной къ Виргилію : (кн. 1. ода 24.) Quis desiderio sit pudor, etc.

72.) Ст. 450. *Аристархъ,* грамматикъ Александрійскій, уроженецъ Самоѳракіи, и учитель сына Птоломея-Филометора, Царя египетскаго, знаменитый критикъ. Цицеронъ и Эліанъ говорятъ, въ доказательство его здравой критики, что ни одинъ стихъ Гомера не признавался Гомеровымъ, ежели не былъ признанъ Аристархомъ.

73.) Ст. 454. Это тѣ помѣшанные, которыхъ Римляне называли lunatici, потому что припадки ихъ сумасшествія усиливались и уменьшались съ прибавленіемъ, или ущербомъ луны. И у насъ есть названіе : *лунатики ;* но не въ томъ значеніи.

74.) Ст. 465. *Эмпедоклъ* — поэтъ и философъ, родившійся въ Сициліи и жившій около 80-й олимпіады, т. е. лѣтъ за 450 до Р. Х. Онъ написалъ три

книги *о натурѣ вещей,* изъ которыхъ часто приводитъ нѣкоторыя мѣста Аристотель. Лукрецій почтилъ его великолѣпною похвалою.

Древніе разсказываютъ, что онъ бросился въ пламя Этны, съ тѣмъ, чтобы исчезнувъ мгновенно, заставить вѣрить, что онъ взятъ въ число боговъ. Но эта исторія, или сказка, основана только на томъ, что близь кратера найденъ мѣдный башмакъ Эмпедокла. По свидѣтельству Тимея, Эмпедоклъ умеръ въ Пелопонезѣ; а по словамъ Неанфа Цизикскаго, онъ упалъ съ повозки и умеръ отъ перелома ноги. — Горацій конечно помнилъ свидѣтельство Тимея; но воспользовался преданіемъ для своей шутки.

Здѣсь замѣчательна антитеза Горація: *ardentem frigidus* — Aetnam — insiluit; что я перевелъ: «спрыгнулъ, *хладнокровный,* въ *горящую* Этну.»

75.) Ст. 471. — «Прахъ-ли отца *осквернивъ,* онъ наказанъ такимъ бѣснованьемъ.» У Горація: minxerit. Я долженъ былъ замѣнить это слово другимъ, хотя при этой перемѣнѣ слова должно было исчезнуть смѣшное подлинника.

76.) Ст. 472. Римляне называли: Bidental, то мѣсто, въ которое ударилъ громъ. На немъ Аруспиціи приносили въ жертву молодую овцу и окружали его, или натянутою веревкою, или оградою, или стѣною: послѣ этаго оно почиталось священнымъ, и не позволялось даже ходитъ по немъ. Слово bidental, происходитъ отъ bidens, *двузубый,* потому что приносили въ жертву двухъ-лѣтнюю овцу, имѣющую два большіе зуба. — Здѣсь я тоже долженъ былъ смягчить выраженіе Горація.

THALIE
MELPOMENE